

ВОРОШИЛОВСКИЙ СТРЕЛОК

ДМИТРИЙ НАЙДЕНОВ
КНИГА ПЕРВАЯ

18+

Дмитрий Найденов

**Ворошиловский
стрелок. Книга первая**

«Автор»

2026

Найденов Д. А.

Ворошиловский стрелок. Книга первая / Д. А. Найденов —
«Автор», 2026

Умереть, чтобы попасть в прошлое, без особых знаний, с одним лишь умением меткой стрельбы и общими знаниями истории. Изменить историю, когда немецкая военная машина идёт напролом, сметая всё на своём пути.

© Найденов Д. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	55
Глава 12	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Дмитрий Найденов

Ворошиловский стрелок. Книга первая

Глава 1

«Все персонажи, события и диалоги в этой книге — плод авторского воображения. Любые совпадения с реальными людьми, местами или ситуациями случайны и не являются намеренными. Сюжет и характеры полностью вымышлены, а любые отсылки к историческим фактам или публичным личностям используются исключительно в художественных целях. Автор не несёт ответственности за возможное сходство с действительностью».

черновик

Окрестности Барановичи.

«Сообщение Советского Информбюро за 24 июня 1941 года

В течение 24-го июня противник продолжал развивать наступление на Шауляйском, Каунасском, Гродненско-Волковысском, Кобринском, Владимир-Волынском и Бродском направлениях, встречая упорное сопротивление войск Красной Армии.

Все атаки противника на Шауляйском направлении были отбиты с большими для него потерями. Контрударами наших механизированных соединений на этом направлении разгромлены танковые части противника, и полностью уничтожен мотополк.

На Гродненско-Волковысском и Брестско-Пинском направлениях идут ожесточённые бои за Гродно, Кобрин, Вильно, Каунас.

На Бродском направлении продолжаются упорные бои крупных танковых соединений, в ходе которых противнику нанесено тяжёлое поражение.

Наша авиация, успешно содействуя наземным войскам на поле боя, нанесла ряд сокрушительных ударов по аэродромам и важным военным объектам противника. В боях в воздухе нашей авиацией сбито 34 самолёта.

В Финском заливе кораблями Военно-Морского Флота потоплена одна подводная лодка противника.

В ответ на двукратный налёт на Севастополь немецких бомбардировщиков с территории Румынии советские бомбардировщики трижды бомбардировали Констанцу и Сулин. Констанца горит.

В ответ на двукратный налёт немецких бомбардировщиков на Киев, Минск, Либаву и Ригу советские бомбардировщики трижды бомбардировали Данциг, Кёнигсберг, Люблин, Варшаву и произвели большие разрушения военных объектов. Нефтебазы в Варшаве горят.

За 22-е, 23-е и 24-е июня советская авиация потеряла 374 самолёта, подбитых, главным образом, на аэродромах. За тот же период советская авиация в боях в воздухе сбила 161 немецкий самолёт. Кроме того, по приблизительным данным, на аэродромах противника уничтожено не менее 220 самолётов».

Приятная нега разлилась по телу, как от хорошего сна и просыпаться от этого не хотелось, но что-то на задворках сознания не давало долго наслаждаться этим моментом. Следом пришли ощущения и сказать, что они были приятными, не приходилось, появилась боль в затылке, затем пришли запахи и звуки. В ушах стучало молотками, а запах гари, в носу, заставлял сознание быстрее приходить в себя и гнать, этот приятный сон.

Возвращение в реальность оказалось практически мгновенным, вот я ощущаю тело, одеревеневшее, чужое, к запаху гари добавились запахи серы и чего-то мерзкого, а к звукам добавились крики, плачь и стоны, десятков людей, в разных интонациях. Так кричат от крайней

нужды, от очень сильной боли, а значит, произошло что-то страшное. От осознания этого мне не хотелось открывать глаза, внутри поселился страх, что увиденное меня точно не обрадует, но пришлось сделать усилие над собой.

Я лежал на краю насыпи и острые камни упиралась мне в спину, голова смотрела чуть в сторону, и гравий, больно колот щёку. Передо мной лежал вагон поезда, на боку и его колёса смотрели прямо на меня, стоило чуть повернуть голову и увидел паровоз, старый ещё с трубами и работавшем на угле. Он выглядел достаточно новым и дымил белым паром, но явно уже не сможет выполнять свои функции, на нём виднелось множество дыр, из которых и шёл этот белый пар.

То, что случилась крушение поезда, мне стало понятно сразу, но вот люди, окружающие меня, выглядели очень странно, старая одежда, неяркая, у большинства заношенная, женщины в платках, в каких-то кофтах, пиджаках, с баулами и чемоданами, старыми с ручками. Мужчины в костюмах, но таких заношенных, что даже бомжи побрезгуют в нашем времени.

- В нашем времени? Где я? – произнёс вслух.

- Митька! Братко, опрачнуся! – раздался рядом девичий голос.

Пришлось повернуть голову и увидеть девушку, лет восемнадцати, с обветренным лицом, в платке и красными глазами, было видно, что она недавно плакала. Одета в серое платье с накинутым пиджаком, тёмно-серого цвета.

- Нас бомбили, цягник сышоу з рэек, - незнакомым говором проговорила девушка.

- Что? Плохо понимаю, - выдавил я из себя.

- Прости, я по белорусски, забыл, что ли? Говорю, поезд бомбили, он с рельсов сошёл, чуть не погибли, а ты головой сильно ударился, мужики что вытащили, сказали не жилец, вот я и разревелась. А ты оно как, жив. Что же теперь делать, нужно уходить, они опять прилетят, все в лес идут, - произнесла девушка, помогая мне подняться.

Вокруг действительно люди спешили покинуть поезд, но кто-то ещё оставался, с ранеными, кто-то вытаскивал вещи, а я не мог верить в реалистичность происходящего. Всё напоминало кадры из хроники или фильма про войну, что сразу заставило насторожиться.

- А кто бомбил? – задал я вопрос, кажущийся мне важным, но ответа слышать на него совершенно не хотелось.

- Так немцы же. Вайна. Ту зусим нічога не паметаешы? (Ты совсем ничего не помнишь? здесь и далее перевод), – взволнованно спросила девушка, перейдя на белорусский язык.

- Ничего, какое сегодня число, и где мы?

- Так, в Беаларуси, пад Мінскам да Баравічау не даехалі, 24 чэрвеня (так в Белоруссии, под Минском, до Боровичей не доехали, 24 июня), - сбиваясь пояснила она.

- А кто я?

- Мицька, не палохай мяне так, - чуть не заплаков, произнесла она, после чего собралась и довольно нормально ответила, - Тебя зовут Дмитрий Станкевич, отец, мой дядька, тебе 15 лет, ученик 8 класса, средней школы номер два. Неужели, ты ничего не помнишь? – спросила девушка.

- Ничего, а как тебя зовут? – решил я уточнить, всё ещё продолжая осматриваться вокруг и не желая принять реальность, которая происходила.

- Акулина, - расстроено произнесла девушка, после чего добавила, - Тебе точно надо в лякарню, показаться врачу.

- Ладно, ты права, задерживаться здесь не стоит, а в моём положении, я здесь никому не помогу, - ответил, осознавая, что сейчас, если это действительно так, начало Первой мировой войны и самое время, когда немец пёр, не переставая и каждый час задержки, может, стоит очень дорого. К сожалению, память не возвращалась, ни предыдущая, ни нынешняя, что-то крутилось в голове, но кажется, что разум отказывался воспринимать реальность, а значит, нужно всё оставить и заняться спасением себя и девушки, которая сопровождала меня.

Кто я и откуда, пока непонятно, одна часть меня говорила о том, что моя фамилия Станкевич, а вторая, что я из другого времени и война закончится 9 мая 1945 года в Берлине. Память кем я был там, полностью молчала, а образы, всплывавшие в памяти, выглядели фантастическими.

Мы пошли по путям, я не стал уходить в лес, как большинство, так как скорость движения будет явно ниже, чем идти по путям. Акулина несла два вещмешка, один из которых я забрал, молча из её рук, ничего не сказав на её возмущения, да и она притихла, бросая мне в спину тяжёлые взгляды. Постепенно я втянулся, и мы шли достаточно быстро, обгоняя редких пассажиров, идущих впереди с большими чемоданами. Меня грызла совесть, что не остался с ранеными и не помог им, но что-то внутри меня было убеждено, что им уже не помочь, немцы скоро выйдут к Минску и отрежут нас от остальной части страны, а там уже и оккупация.

Вокруг железнодорожного полотна располагались поля, часть была со скошенной травой, и даже виден намётанный стог сена, от земли парило, судя по всему, время близиться к полудню и жара только усиливается. Звук кузнечиков и недалёкого леса, навевал разные мысли, но они постоянно возвращались к теме войны.

С комсомольским билетом и значком Ворошиловского стрелка, меня быстро поставят к стенке, не посмотрев на то, что мне 15 лет, - пришла мысль и я тут же остановился, заставив Акулину налететь на мою спину.

- Что случилось? – удивлённо спросила она, чуть не упав.

- Я комсомолец? – спросил, развернувшись к ней, и оказался очень близко, смотря практически в упор.

- Вспомнил? Да, документы у тебя в нагрудном кармане, ты их несколько раз при мне проверял, - ответила девушка.

Осмотрев себя, понял, что в пиджаке действительно есть карман, внутри и там что-то лежит.

Достав свёрток, обнаружил комсомольский билет: «Пролетарии всех стран объединяйтесь! Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи. Комсомольский билет. Фамилия – Станкевич Дмитрий Александрович, 1926 года рождения. Время вступления в ВЛКСМ апрель 1939 года.

Фото молодого парня, с волевым лицом, довольно симпатичное, по ходу моё, на которое я долго смотрел, пока не услышал покашливание девушки и быстро пролистнув, увидел свежие отметки об уплате членских взносов в 2 копейки.

Вторая книжка меньше и проще, на обычной бумаге, ОСОАВИАХИМ, стрелковая книжка, моя фамилия, даты с 1939 по 1941 год, по стрельбе с указанием, выбито по 90 очков из 100 возможных, за каждый год. Судя по всему, очень хороший результат, значит, стрелять я умею, и могу эти знания применить на деле. Вот только винтовки под рукой не было, да и сам я ещё подросток, но зато явно выгляжу старше своих лет.

- Ну, вспомнил?

- Вроде вспоминаю, оказывается, я неплохой стрелок, вот только где мой значок? – спросил осматривая себя.

- Ты его в карман убрал, когда я сказала тебе, что хватит хвастаться, - смутившись, ответила Акулина.

Действительно, в кармане, на самом дне, обнаружился значок, а на пиджаке была видна дырочка от него, куда я его сразу и закрепил, затянув колёсико с обратной стороны. Вдалеке, с той стороны, откуда мы шли, я услышал гром, а потом хлопки, очень похожие на выстрелы, но были они дальше крушения поезда.

- Нужно уходить, возможно, там уже немцы, - сказал я и развернувшись, пошагал по насыпи.

- Откуда там немцы, хочешь сказать, они успели за два дня пройти так далеко? В вагоне я слышала, что в Бресте стоит огромная армия и мы скоро погоним немцев обратно.

- Погоним, обязательно погоним, но не сейчас, они собрали все силы у нашей границы и, прежде чем их погнать, нужно их всех перебить. На то, чтобы подтянуть резервы, нужно время, а его они нам не дадут. Поэтому нужно найти нашу армию и вступить в неё. - Но ты же ещё подросток, в 15 лет тебя точно никто не возьмёт, - возразила Акулина.

- Зато стреляю хорошо, - зло ответил я, сам не понимая, откуда во мне она взялась.

Дальше мы шли молча, нагнав небольшую группу беженцев из женщин и детей, идущих впереди нас. Они, как и мы, не пошли назад, к ближайшей станции, а двинулись вперёд, ведь понятно, что поезд здесь же не пройдёт, пока пути не отремонтируют, а успеют ли они сделать это до прихода немцев, никто не знает. Впереди показалась просёлочная дорога с переездом, у которого не было никаких построек, значит, дорогой пользовались редко, вот только на переезде, впереди идущая группа остановилась, что-то обсуждая. Женщины стоят плотной толпой, прикрывая глаза детям и отворачивая им головы, но сами при этом не уходят.

Когда мы подошли ближе, то я увидел два тела, солдат, в странной советской форме, старого образца, хотя уверен, для местных форма вполне нормальная, это у меня отношение к ней довольно двоякое. Они лежали рядом, оба без оружия и ремней, у обоих на груди пулевые отверстия и, судя по всему, их убили прямо здесь, возможно, застали врасплох, они сдались и их в итоге расстреляли. Зачем непонятно, но это уже и неважно, важно другое, где-то здесь уже были немцы, а значит, дорога на Барановичи, уже перерезана. Второй день войны, а немцы продвинулись так далеко, это что-то невообразимо, жаль, не помню дат, когда захватили Минск, так бы можно было сориентироваться, но с такими темпами, они сделают это очень быстро.

Я ещё смотрел на мёртвых красноармейцев, как сзади послышался шум двигателя, и я не сразу понял, что это такое, да и честно признать, голова сильно болела, а на затылке была здоровая шишка.

- Немцы, - крикнул кто-то из толпы, и все дёрнулись в сторону, но со стороны шума, раздалась хлесткая очередь, прочертившая пути, перед толпой и она замерла, как и мы с родственницей.

Я застыл не зная. Что делать, если бы все бежали, шанс выскочить ещё был, а так с пулемёта нас всех быстро перестреляют, да и честно сказать, я испугался, возможно, впервые в жизни, но страх был мерзким и липким, обволакивая всё внутри и парализуя тело.

- Штеен! – крикнул немолодой немец, сидящий в коляске мотоцикла, который медленно подъезжал к нам.

- Carl, sieh dir die Damen an, ich hoffe, sie werden so freundlich sein wie die Franzosen (Карл, смотри какие дамы, надеюсь, они будут так же любезны, как француженки).

Из сказанного я понял не всё, так как немецкий знал плохо, но словосочетание, дамы и французы, сразу наводило на определённые мысли, которые мне не понравились. Немцы заглушили мотоцикл и о чём-то переговариваясь, двое слезли с него, направившись к стоящим женщинам, а пожилой немец, в каске, держал всех под дулом пулемёта.

Я медленно пошёл им навстречу, сближаясь за спинами женщин, а Акулина, пошла за мной, при этом вещмешок, сбросил с плеча. Стараясь, чтобы этого не заметили немцы, но они давно нас рассмотрели и опасности не видели, а вид десятка молодых девушек и женщин, явно расслабили их. Я уже был рядом, когда один из немцев, бесцеремонно схватил ближайшую за грудь, за что сразу получил пощёчину, чего он явно не ожидал. Не прошло и секунды, как он ударил в ответ, кулаком, прямо в живот, отчего она сложилась пополам, а её соседка, набросилась с кулаками на этого немца, ударив его палкой по лицу.

Тот, что сидел в коляске, заржал, явно наслаждаясь моментом и что-то бросил на немецком, отчего солдат стал красным и, сдёрнув винтовку с плеча, резко ударил штыком в живот второй женщины. Все сразу сделали шаг назад, в испуге, вот я, наоборот, вздрогнул. В голове

за миг пронеслось столько мыслей, что их невозможно описать словами, воспоминания нахлынули на меня волной, другая жизнь, другое тело. Война давно закончилась, потом развал Советского Союза, перестройка и много чего, но вот такого я почему-то выдержать не мог. Ещё не осознав, что делаю, выскакиваю из-за спины женщину и бью сапогом под колено немца, отчего тот начинает заваливаться назад, вытянув руки в зажатой винтовкой, второго, стоявшего рядом и начавшего сдёргивать свою винтовку, бью этой же ногой в пах, больше я не достану, а он рядом, потому опасный противник.

Первый немец ещё падает, а я придерживаю винтовку, отчего он, упав, тянет её на себя. Резко меняю положение тела, наваливаясь на неё, держа за ствол и давя со всех сил. Перемена вектора силы, оказывается неожиданным для немца и мне остаётся только подправить винтовку, чтобы приклад пришёлся точно в его лицо. Противный хруст вызывает во мне волну удовлетворения, но заметив, как пожилой немец, начинает дёргать затвор пулемёта, меня бьёт страхом. Только в этот раз, он выступает топливом для дальнейших действий, время замедляется, а я ускоряюсь, дёргая винтовку на себя и руки немца, ослабевшие от боли в сломанном носе, выпускают её. Мне только остаётся перехватить её поудобнее и навести на пулемётчика.

- Митька! – испугано кричит моя спутница, а я уже вижу дуло пулемёта, смотрящего в мою сторону.

Время ещё больше замедляется, целиться некогда, передёргивать патрон, тоже, поэтому доворачиваю ствол, не поднимая рук, единственный вопрос, где у неё предохранитель. Модель мне не известная, но интуитивно распознаю флажок, который будет мешать затвору работать, перевожу пальцем его в левое положение. Уже не опуская глаз, пытаюсь направить дуло точно в мотоциклиста, тем более расстояние не более двадцати метров.

Прежде чем успеваю нажать на спусковой крючок, понимаю, что впереди доносится шум ещё одного мотоцикла, но отступить уже поздно.

Глава 2

Сообщение Советского Информбюро за 24 июня 1941 года

«Финляндия предоставила свою территорию в распоряжение германских войск и германской авиации. Вот уже 10 дней происходит сосредоточение германских войск и германской авиации в районах, прилегающих к границам СССР. 23 июня 6 германских самолётов, вылетевших с финской территории, пытались бомбардировать район Кронштадта. Самолёты были отогнаны. Один самолёт сбит, и четыре немецких офицера взяты в плен.

24 июня 4 немецких самолёта пытались бомбардировать район Кандалакиши, а в районе Куолаярви пытались перейти границу некоторые части германских войск. Самолёты отогнаны. Части германских войск отбиты. Есть пленные немецкие солдаты.

** * **

Румыния предоставила свою территорию полностью в распоряжение германских войск. С румынской территории совершаются не только налёты немецкой авиации на советские города и войска, но и выступления немецких и румынских войск, действующих совместно против советских войск. Неоднократные попытки румыно-немецких войск овладеть Черновицами и восточным берегом Прута кончились неудачей. Захвачены немецкие и румынские пленные».

черновик

Окрестности Барановичи.

Выстрелы раздаются одновременно, только вот я на полсекунды раньше, а вот пулемётчик даже не успел только навести от волнения, и короткая очередь проходит над головами, мгновенно захлебнувшись, а немец, откинувшись назад с дырой, точно во лбу. Тут из леса вырывается ещё один мотоцикл, три немцу, один в коляске и за пулемётом, самый опасный, дистанция около ста метров, тот уже слышал выстрел и дёргает затвор, но я точно быстрее. И мне остаётся только поднять винтовку на уровень глаз, прицелиться и нажать спуск, вот только выстрела не раздаётся, я банально забыл передёрнуть затвор. Делаю это мгновенным, резким движением, лихорадочно вспоминая, не однозарядная ли винтовка, но короб снизу, напоминает, что нет, да и не было винтовок в армии вермахта, однозарядных, во всяком случае, у обычных бойцов.

Мой второй выстрел не менее точен, и быстрее выстрела противника, голова второго пулемётчика дёргается, и он сползает набок. Это замечает водитель. Резко разворачивая мотоцикл, но я уже передёрнул затвор и, повернув винтовку, делаю второй выстрел, а следом, буквально через секунду ещё один, не забыв передёрнуть затвор.

Немцы падают с него, а мотоцикл, проехав, утыкается в сложенную пачку шпал, мгновенно заглухнув. Стою с винтовкой, направленной в сторону немцев, ожидая от них любого движения, чтобы добить, но они не шевелятся. Стоило мне чуть расслабиться и подумать, что всё, я справился, как опять раздаётся девичий крик, мгновенно приводя меня в чувства.

- Митька, справа.

Успеваю перевести винтовку, чтобы увидеть немца, которому я врезал в пах, пытающегося атаковать меня с колен, ножом, зажатым в руке. Сухлой выстрел практически в упор прямо в грудь, отбрасывает его, передёрнув затвор, доворачиваю ствол и нажимаю спуск, но раздаётся сухой щелчок. Магазин винтовки пуст, значит, патронов в нём всего пять, но и это немало, с такой можно и повоевать, осталось раздобыть патроны, но уверен, что немцы ими поделятся со мной. Первый немец, что заколол молодую женщину, ещё жив и пытается приподняться, не до конца понимая, что происходит, ругаясь по-немецки.

Оставлять в живых, я никого не собираюсь, поэтому делаю шаг вперёд и втыкаю штык-нож, на конце винтовки прямо в его живот, немного провернув, после чего, рывком, выдёрги-

ваю, отступая назад. Все стоят замершие, ещё не осознавая, всё произошедшее, а потом одна из женщин заголосила, бросившись к раненной в живот. Это послужило спусковым крючком для остальных. Кто-то бросился бежать в лес, таща за собой детей, что-то просто опустился на дорогу без сил, а кто-то двинулся в сторону раненой женщины.

Я же, так и остался стоять, с зажатой в руке винтовкой, пребывая в лёгком шоке, от всего. Ещё недавно я лежал с разбитой головой, а уже стою посреди дороги, убив шестерых фашистов, что убили одну из женщин. От прикосновения я вздрогнул, резко развернувшись, но увидев Акулину, опустил винтовку, стволом к земле.

- Ты как? – очень тихо, спросила она, а я не сразу понял, что она хочет. Вот только резкий спазм в животе, заставил меня отвернуться и выблевать всё, что было в моём желудке. При этом мои ноги подогнулись, и я опёрся на руки, чтобы не упасть. Тело ещё содрогнулось несколько раз, но желудок был пустой, а во рту разлилась горечь. Горло нещадно саднило, руки тряслись, как и тело, а мысли путались.

- На, выпей водицы, парнишка, ты не переживай, так почти со всеми бывает, в первый раз, - произнесла одна из женщин, протягивая мне бутылку из мутного стекла.

Вытерев рот, дрожащими руками, поднёс её и сделал несколько глотков, опасаясь, что спазм повторится, но, к моему удивлению, мне наоборот, стало легче, спазмы ми дрожь, ушли, оставив слабость во всём теле.

Долго сидеть не вышло, стоило взгляду упасть на винтовку в левой руке, как мысль о том, что магазин пуст и патронов в ней нет, заставили вернуться страху, а он смёл усталость, как волной. Быстро встав, двинулся к ближайшему немцу, которого убил выстрелом, и посмотрел на его пояс, а точнее, на подсумок с левой стороны.

Открыв подсумок, увидел три отделения по две обоймы в каждом и пять патронов в каждой обойме. Подумав секунду, расстёгиваю поясной ремень и снимаю все подсумки, сразу вешая себе на пояс и подгоняя. Ремень застёгивается с трудом, отверстия есть, но они не работаны на мой объём талии, всё-таки я ещё подросток, хоть и довольно крупный.

Беру винтовку, отвожу затвор и вижу пустой магазин, достаю обойму, осторожно примериваюсь и сразу понимаю принцип, благо в стрелялки играл немало, и подобное оружие мне встречалось. Небольшая планка встаёт в паз, надавливаю пальцем сверху, и патроны уходят вниз, планка отскакивает, и я закрываю затвор, после чего ставлю предохранитель и, подняв винтовку вверх, нажимаю спусковой крючок, проверяя его надёжность. Выстрела не следует, предохранитель стоит жёстко, и только после этого аккуратно закидываю винтовку на плечо.

Винтовка на плече, добавляет мне уверенности, теперь я спокоен и знаю, что могу дать достойный отпор даже мотоциклетной группе. Ещё раз внимательно осматриваюсь и направляюсь к мотоциклу, найдя кран от топливного бака, перекрываю его, и на округу сразу опускается тишина. Женщины смотрят на меня, взглядом, полным надежды и ещё чего-то, что не выразить словами. Вероятно, они только сейчас начинали понимать, что такое война и какая их ждёт участь, окажись они на территории, занятой немцами. Моя спутница, что-то пыталась у меня спросить, но все мои мысли сейчас были о другом, а именно о немцах. Были это разведывательный отряд, который возвращался или разведчики уже проехали, а эти вторые, которые едут впереди колонны бронетехники, если я не ошибаюсь, то так перемещались колонны немцев.

Прислушался и, кроме далёких взрывов, ничего не слышал, до них от пяти до десяти километров, а значит, какое-то время у нас есть. А раз так, то нужно разжиться трофеями, поэтому возвращаюсь к первому мотоциклу и осматриваю его, в первую очередь, меня интересует пулемёт. Внешне конструкция знакома, откуда, вспомнить сложно, но, судя по всему, разобраться в ней будет нетрудно. В ногах у пожилого немца лежат коробки в виде ракушек с патронами, которые навешиваются на пулемёт, но, чтобы понять, полные они или нет, нужно вытащить немца из коляски, что я и пытаюсь сделать. Вот здесь и выясняется, что по мест-

ным меркам, я не так и силен, но моя спутница, быстро поняв, что я делаю, помогает мне и мы вдвоём, вытаскиваем тело, за несколько приёмов. В коляске действительно шесть улиток с патронами и ещё запечатанный ящик, с маркировкой 7, 92.

Патроны есть, мотоциклы есть, пулемёт и винтовки, значит, действительно можно повоевать, а пулемёт, может серьёзно замедлить немцев, если правильно его использовать, да и, как выяснилось, стреляю я очень даже неплохо. Пять выстрелов и пять трупов, для боевых действий. Неподготовленного пятнадцатилетнего парня, это либо невероятное чудо, либо способность, которую нужно использовать.

Второй вопрос, кто я и что здесь делаю? Память подбрасывает воспоминания как бы из двух эпох, старая техника, простая обстановка, сельская местность, небольшой городок с простыми вывесками, магазин, хлеб, школа 1. Слава КПСС, и многое другое и вторая жизнь, города с яркими рекламными вывесками, мегаполис, машины, несущиеся с невероятной скоростью, красивые фасады зданий, очень много людей. То, что это две разные жизни и две разные эпохи, я уже не сомневался, остаётся вопрос, как я сюда попал. А то, что парень умер при бомбёжке поезда, - это, практически факт, а второй умер в том, другом времени, уже успев пожить и почему-то те воспоминания более яркие, как родные, а вот из этого времени, более блёклые, явно память парня, умершего при бомбёжке. Значит, я из будущего, осталось вспомнить, что там в будущем может быть полезного, чтобы я смог выжить здесь.

И вот здесь на меня обрушивается поток информации, как плотину прорвала, которая копила воду до определённого момента. То, что война в моём мире, времени или ещё где, закончилась 9 мая 1945 года я уже вспомнил до этого, а сейчас пришла память о самой войне, парад победы «Бессмертный полк» десятки тысяч людей с фотографиями своих павших в войну родственников, рядом родственница и мы несём небольшой плакат, с фотографиями в рамке. Отец и четыре сына, все убиты на войне, трое в 1941, а один из них 1942 году. Никто не дожил до победы и род их на этом прекратился. Потом воспоминания резко перекинулись на хронику победы, какой сложной она была и сколько миллионов советских граждан погибло в ней, особенно на оккупированных территориях. Особенно в Беларуси, которая практически опустела после войны. Затем вспомнились лагеря с военнопленными, умирающими от голода и концентрационные лагеря. Где людей травили газом, сжигали в печах. Вот от этого мне стало мерзко и тошно, кадры киносъёмок, заставили сжать кулаки, чтобы не закричать оттого, что сейчас творилось в моей душе. Желание уничтожить эту фашистскую мразь, стала триггером, который вывел меня из воспоминаний, заставив осмотреться ещё раз и принять решение, которое уже навсегда изменить мою жизнь и жизнь того парня, тело которого я сейчас занял.

Что же там я помню из истории, задал себе вопрос, но точных дат не мог вспомнить, особенно начала войны, единственное, что помнил, - танковые удары, обход немцами укреплений, охваты и создание котлов, к которым Красная армия была не готова. Мобильная война, «Блицкриг», быстрая и молниеносная по планам немцев, и я должен этому помешать.

- Митя, что случилось, ты не ранен? Стоишь бледный, сжимаешь кулаки и скрипишь зубами, - спросила родственница.

- Дмитрий! Меня зовут Дмитрий Александрович Станкевич, комсомолец, твой Митька остался у того разбитого состава, который разбомбили немцы, - произнёс я и подошёл к немцу, которого вытащили из коляски, и осмотрел его, на боку у него был кожаный планшет, как командирский и внутри карта, на немецком, разглядывая которую заметил знакомое название «Барановичи» на немецком. Карта окружающей местности, мне точно не помешает, поэтому, закрыв и убрав её, нацепил планшет на себя.

- Мить... Прости, Дмитрий. Что ты задумал?

- Воевать, немец рвётся к Минску и, если его не остановить, скоро он окружит его и двинет дальше, а вместе с ним окружит и нашу армию, которая без снабжения, без снарядов и без патронов, долго воевать не сможет. Даже если на час задержу колонну, дам шанс им

выйти из окружения, - твёрдо, с какой-то внутренней уверенностью в правильности своих слов, произнёс я.

- Я с тобой! – тут же произнесла она.

- Нет, - также твёрдо произнёс я, уже прикидывая, где я дам свой последний бой.

Пулемёт, если правильно выбрать место, положит десяток немцев, бронированную технику не буду обстреливать, а вот грузовики, коих должно быть много, подойдут как нельзя лучше. Положить до полусотни солдат, портом уже добить из винтовки, кого получится и подорвать себя гранатой, которую видел в коляске мотоцикла. План, как минимум логичный и, вероятно, правильный, как мне кажется. Серьёзно воевать я не умею, в армию меня по возрасту никто не возьмёт, да и ещё уда попаду. Тем более что выбраться из окружения, вероятнее всего, уже не получится.

- Что значит, нет? Я пойду с тобой, и это не обсуждается, стрелять я умею, и пусть у меня нет значка Ворошиловский стрелок, я в цель попадаю, - твёрдо ответила Акулина.

- Лина, пойми, там шансов выжить не будет, я пойду задержать колонну немцев, их там будут сотни, может, тысячи, с бронетехникой, танками, в лучшем случае я выпущу один магазин патронов из пулемёта и несколько пуль из винтовки. На этом моя война закончится, немцы - умелые солдаты, чтобы кто не говорил, одному против них не выстоять, поэтому ты останешься здесь и попробуешь спрятаться в деревне. Боюсь, выбраться в тыл ты уже не успеешь, - ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно.

- Всё равно, я с тобой, до конца, не смотри, что я девчонка, поверь, я не испугаюсь и не убегу, - твёрдо заявила она и, оглядевшись, подошла к убитому немцу, начав снимать винтовку него.

- Я с вами! - раздался голос за спиной, не дам не придумать ответ моей спутнице. Пришлось обернуться, чтобы увидеть, кто ещё изъявил желание стать смертником.

- Кто ты? – спросил, не подумав, но узнав ту девушку, которую немец лапал за грудь и за которую заступилась другая, пожилая женщина.

- Комсомолка, Валуева Валентина Игоревна, 20 лет, имею такой же значок, как у тебя.

- Ворошиловский стрелок? - удивился я, опешивший от такого предложения. Уж создавать женский батальон я точно не собирался, тогда героически погибнуть не получится, придётся заботиться о них, да и какие воины из девушек, хотя обе не выглядели малахольными. Руки в мозолях, а значит, тяжёлой работы не чураются и на что-то они могут сгодиться.

- Удостоверение есть, Валентина Игоревна? – спросил я, ещё не решив, как поступить.

- Есть! – чётко ответила она и, засунув руку за полу пиджака, вытащила небольшое удостоверение, как у меня.

Там действительно была фамилия Валуева и возраст.

- Комсомольский билет, - строго потребовал я, уже понимая, что отвертеться не получится. Бросить их здесь, значит заставить совершить глупость, а со мной, возможно, у них появится шанс прожить подольше, да и, честно признаться, одному в новом мире мне не по себе, а здесь будет у кого расспросить, да и про мою контузию Акулина знает.

Комсомольский билет точно был её, фотография серьёзной молодой и симпатичной девушки, смотрела на меня, и я даже не сразу поверил, что это она, но присмотревшись, понял, что та просто испачкалась, глаза заплаканные и опухшие, да и удар немца, не прошёл бесследно.

Вернув билет, посмотрел на толпу женщин, которые обсуждали, что им делать дальше. А потом спросил.

- А как же та женщина, она вроде твоя родственница, ведь бросилась тебя защищать? – спросил я.

- Родная тётка, уже всё, она не мучилась, сразу умерла. Я договорюсь с местными, они похоронят, всё равно, до Минска уже не добраться, раз немцы на дороге. Они сейчас решают,

идти или возвращаться. Но бояться, попасть опять в такую же ситуацию, а что ожидать от немецких солдат, они видели, - смотря мне в глаза, ответила девушка, с волнением ожидая моего ответа.

- А почему решила, что со мной будет лучше? – спросил я, всё ещё придумывая, как отказаться от такой спутницы, и ничего не приходило на ум.

Глава 3

Сообщение Советского Информбюро за 24 июня 1941 года

«Немцы спускают по 5—10 парашютистов-диверсантов в форме советских милиционеров для порчи связи. В тылу наших армий созданы истребительные батальоны по уничтожению диверсантов-парашютистов. Руководство истребительными батальонами возложено на НКВД».

•

черновик

Окрестности Барановичи.

- Потому что ты не говорил, не убежал, а взял и убил шестерых немецких солдат, вооружённых до зубов с пулемётами, и сделал это так быстро, что они даже ничего не поняли. Стреляешь ты очень метко, крови не испугался, а последнего вообще, штыком заколол. И я вижу, что у тебя уже есть план, как бить врага в тылу, в окружении, а что будет дальше, меня уже не заботит, я комсомолка, как и ты, кивнув на небольшой значок, висевший на моей груди, ответила девушка.

- Хорошо, раз мы гражданские, комсомольцы, создаём отряд ополчения, я командир. Выполняешь все мои распоряжения беспрекословно, что бы я ни говорил. Прикажу прыгать на одной ноге, ты не будешь спорить, а задашь только один вопрос. Как высоко. Поняла? – спросил я.

- Поняла, товарищ командир, - улыбнувшись, ответила Валентина.

- А я? я тоже хочу в ополчение, бить врага! – твёрдо спросила Акулина.

- Ты тоже зачисляешься в отряд ополчения, рядовым, помощником командира, будешь вести учёт боевых столкновений, и вот тебе первое задание. Найти тетрадь или блокнот и записать, что здесь произошло. Без прикрас, чётко и по делу. Отряд встретил немцев на переезде, оставишь пропуск, притом впишем координаты, нами убито столько-то, трофеи взяты такие-то. Число, время и мне на подпись. Да и укажешь, сколько женщин было при инциденте, сколько нашли убитых солдат Красной армии, если найдём, то и документы.

- Валуева!

- Обыскать немецких солдат, собрать с них всё оружие, снять портупею, солдатские книжки и личные жетоны, всё, что при них сложить в одну кучу и побыстрее, это могут быть не единственные немцы, надо успеть уйти отсюда, как можно быстрее, - отдав приказ, но увидел, как девушка возмутилась, собираясь возразить.

- Мародёрством заниматься? Грабить мёртвых? – возмущённо воскликнула девушка.

- Во-первых, я тебя предупредил, насчёт выполнения моих приказов, ещё раз подобное повториться и уйдёшь из отряда, но для первого раза я прощу и объясняю. Во-первых, мы не мародёрством занимаемся, а собираем трофеи, чтобы продолжить бить врага его же оружием. Во-вторых, враг нам неизвестен, чтобы выяснить, как он думает и действует, нужно узнать о них, как можно больше, мне важна каждая мелочь, включая личные вещи, чтобы узнать их слабости, плюс нам нужно пропитание, обмундирование, патронные сумки, вещмешки. Я вот что-то склада Красной армии здесь не наблюдаю, как и военно-полевой кухни, и думать, что мы будем есть завтра, должен я. Поэтому следующий раз, когда решишь оспорить мой приказ, подумай вначале головой, - жёстко ответил я, развернувшись, и направился ко второму мотоциклу.

Сбор трофеев и осмотр занял не больше десяти минут, так что передо мной сложили винтовки, портупею, личные вещи, солдатские книжки и разные мелочи, а ещё в стороне лежали две винтовки и книжки красноармейцев. Похоже, это были убитые, которых мы нашли пер-

выми, а значит, этот отряд немцев, возвращался с разведки и время у нас ещё есть. Уйти из окружения навряд ли получится, но вот устроить засаду, вполне нам по силам.

- Акулина, перепиши фамилии, возраст и части в боевой журнал, отдельно, тоже самое на листке и вложи им в карман, а я пока поговорю с женщинами, - сказал я и, убедившись, что родственница всё поняла, направился к спорящим женщинам.

- Товарищи женщины, - громко произнёс я, и они перестали спорить, развернувшись ко мне.

- Ситуация следующая, обстановка на фронте тяжёлая, выбраться в тыл, вероятнее всего, у вас не получится, немецкие войска обходят вокруг и окружают Минск. Если продолжите идти с детьми, сами видели, чем это может закончиться, поэтому рекомендую найти, где встать у местных. Если кто имеет мужей, отцов, командиров Красной армии или коммунистов, тем рекомендую придумать легенду и не говорить об этом. Немцы таких будут расстреливать, вместе с детьми, поэтому прошу отнестись к этому серьёзно. О ваших истинных фамилиях, никто не должен знать, даже местные, так вы получите возможность сохранить свою жизнь и жизни ваших детей. Не доверяйте никому, вообще, никому, это залог выживания на оккупированной территории.

- А где же наша доблестная армия? Кто заявлял, что будем бить врага на его территории, где доблестные Сталинские соколы, почему в небе только немецкие самолёты? – задала такой неудобный вопрос одна из женщин, и ведь никто не остановил её, а в глазах других был тот же вопрос.

- Вы знаете, какая огромная наша страна? Она больше, чем вся Европа, самая большая во всём мире, от Ленинграда до Владивостока, пешком и за год не дойдёшь. Войска распределены по всей границе, и на Востоке, ожидая войну с Японией. Враг оказался коварен, уверен, не обошлось без предательства, и да, сейчас наши войска отступают, ведя ожесточённые бои, оторванные от складов снабжения, без чётких боевых задач, так как враг перерезал почти всю связь. Но они борются, отдавая свой долг, как умеют. Немцы не простые враги, они умные и долго готовились к войне именно с нами, они сделали подлый удар, атаковав, когда их никто не ждал. Сумели скопить огромную армию на нашей границе, в то время как наша армия распределена по всей стране. Быстрой победы не будет, враг разбомбил большую часть прифронтовых аэродромов, но это не значит, что мы опустим руки и сдадимся, мы будем бить врага там, где его встретим, мы комсомольцы, возьмём в руки оружие и пока армия собирает резервы, чтобы дать достойный отпор, сделаем всё возможное, чтобы это время у неё появилось. Поэтому, дорогие женщины, не паниковать, составьте чёткий план, как спрятаться среди населения, запастись продуктами, чтобы пережить зиму, война может затянуться, это я вам говорю правду, не для того чтобы вы опустили руки, а чтобы знали, что победу будет за нами. Да, не сразу и не лёгкая, но враг будет разбит, и мы, комсомольцы, сделаем для этого всё возможное, - уверенно и очень эмоционально, произнёс я речь, а оглянувшись, увидел девчонок, стоявших с оружием за моей спиной, с уверенным взглядом.

- Ещё будет просьба, убрать с дороги тела, и спрятать, а потом договориться с местными и похоронить, как будет возможность, у нас времени на это не будет.

- Конечно, милок, всё сделаем, не переживайте, я из местных, договорюсь с председателем, он выдаст подводу, похороним по-людски, как положено, - произнесла пожилая женщина с девочкой лет девяти, которая жалась к ней, испугано, смотря на меня.

- Ещё десять минут ушло на то, чтобы оттащить тела, а я уже завёл оба мотоцикла, проверил их и, подойдя к своим бойцам, спросил,

- Кто из вас умеет ездить на мотоцикле?

Они переглянулись, а потом помотали головой, отчего я расстроился, а ведь думал про трофеи, забыв, что в это время водить умели далеко не все.

- Хорошо, сейчас отгоню один мотоцикл и спрячу, оружие всё заберём, кроме пулемёта и пары магазинов. При случае заберём, а вам стоять, охранять имущество, если увидите немцев, в бой не вступать, а отступить к лесу, - ответил я, и переложив вещи в один мотоцикл, практически забив коляску до отказа.

Перегнал мотоцикл за 200 метров, дальше по дороге в сторону Барановичей, небольшая лесополоса с еле заметной дорогой вдоль поля, по которой вывозили сено, поэтому проехал ещё метров сто и загнал в кусты, быстро забросав ветками. Теперь не зная, где он спрятан, найти не выйдет. Помимо этого, сорвал ещё одну ветку и при съезде, замёл все следы шин, а после такого, даже опытный следопыт не найдёт мотоцикл. Бегом вернулся обратно, увидев толпу удаляющихся по дороге женщин, которые решили возвращаться в посёлок, расположенный рядом.

- Ну, что, готовы? – спросил я.

- Всегда готовы! - ответила Валентина.

Сам уселся за руль мотоцикла, Акулину усадил в коляску, а Валуюева села за мной, крепко обняв. Тронуться с первого раза не получилось, мотоцикл заглох, так как я резко бросил сцепление, но завёлся сразу и второй раз удалось тронуться, после чего поехали вперёд по дороге. Лучшим вариантом было мне сидеть в коляске за пулемётом, так как никто им пользоваться не умеет, но я, вроде разобрался, только без тренировки проверять не хотелось. Нужно тихое место, где разобраться с ним, а ещё бы и отстрелять, пару очередей, но времени как раз и нет.

Неожиданно перед нами показались дома небольшого посёлка, надпись на въезде гласила, что это Борки, надпись просто вырезана на стволе дерева, но останавливаться я не стал, людей на улице не было, хотя в окнах кто-то мелькал. Через километр дорога делала поворот у самого леса, удобное место, чтобы устроить засаду, дал немцев, дорога простреливается на всю длину, а мы сразу сможем уехать на мотоцикле. Нас не будет видно, если не обойдут, а значит, дам несколько очередей, остановим технику, и бежать, точечный укус, а дальше, искать другое место засады.

У поворота останавливаюсь, не глуша двигатель, и осматриваюсь, место мне нравится, хотя оно и не без изъяна, я бы предпочёл возвышенность побольше, но и так сойдёт. Главное, чтобы первыми шли не танки.

- Что встали? – спросила Валуюева, перебивая работу двигателя.

- Здесь дадим первый бой, но, если пойдёт танки, придётся пропустить, поэтому маскируемся хорошо и оборудуем стрелковые ячейки, - произнёс я, осторожно направив мотоцикл чуть дальше, а потом заехал задом, в кусты, под углом, чтобы сразу ехать, не разворачиваясь. Себе я взял винтовку, повесил на пояс ещё один тройной подсумок с другого немца, с магазинами. Затем выдал такие же подсумки девушкам, показав на себе, как закрепить, и начал снимать пулемёт.

Весил он прилично, больше десяти килограмм, ещё и сменные стволы имел в металлических тубусах и толстые рукавицы, для замены во время боя. Вот только длительный бой, давать не буду, иначе нас окружают, зажмут и быстро уничтожат. Позицию выбрал быстро, взяв с собой ещё одну улитку с патронами и прикрыв позицию ветками, отошёл, распределять роли моих подчинённых.

- Акула, твоя фамилия какая, а то так и не вспомнил, - смутившись спросил, подойдя к родственнице, которая стояла рядом, ожидая от меня команды.

- Смирнова я, Акулина Семёновна, что совсем ничего не помнишь?

- Здесь помню, здесь не помню, - фразой из фильма ответил я, но девушка восприняла слова не в шутку, а серьёзно.

- Может, вначале в больницу? – спросила девушка, уже не привязывая белорусские слова и говоря достаточно чисто по-русски.

- Некогда нам, так, слушаем боевую задачу, Валуева, берёшь сектор слева от меня, вот у этого дерева, вторую позицию ищешь сама, покажешь мне, я буду утверждать. Приучайся сразу это делать.

- А зачем вторая позиция, отсюда и так хорошо видно, - спросила она.

- Немец быстро пристреляется по тебе, и чтобы сразу не убили, ты переползёшь на вторую позицию и выбери ту, где лучше видно левую сторону дороги, они попробуют нас обойти сбоку, - произнёс я и, посмотрев на родственницу, сказал.

- Ты устраивайся здесь, посмотри, в коляске было что-то, подложить, но учтите обе, будут муравьи ползать и жуки разные, терпеть и не дёргаться, что бы ни случилось. Будем лежать и ждать удобной цели, а не просто пострелять сюда пришли. Каждая ляжет, а другая посмотрит с разных сторон, главное с дороги, чтобы вас не видно было, замечание устраните сами, ветки вам в помощь.

Сам я улёгся на траву у дерева, умял её вокруг себя, осторожно, чтобы было не видно с дороги, после чего примостил рядом винтовку, а следом и пулемёт, решив ещё раз, проверить, как он работает. Начал с механизма заряжания и несколько раз разрядил и снарядил магазин в виде улитки. Надо отдать немцам должное, механизм довольно простой в обращении, удобный и достаточно эргономичный, всё на своём месте. Если не ошибаюсь, то таких пулемётов выпущено сотни тысяч штук, а это говорит о многом. Убедившись, что с заряджением у меня проблем не будет, я занялся сменой ствола и интуитивно вынул его за минуту, затем вставил обратно, также быстро. Понятно, что раскалённый ствол быстро не поменяю, здесь нужен помощник, но в целом ничего сложного. Вопросы только вызывал спусковой крючок, имевший две выемки, одна над другой и нижняя ещё и клавишу.

- Девушки, я сейчас сделаю пробные выстрелы, не пугайтесь, мне нужно точно понять, как работает немецкий пулемёт, чтобы в бою не было неприятных неожиданностей, - произнёс я, а девушки подошли молча и наблюдали за моими манипуляциями.

Прицел выставил на двести метров, улёгся, осмотрел сектор и немного примял траву перед стволом, чтобы было лучше видно. Первым нажал на верхнюю часть спускового крючка и раздался одиночный выстрел. В плечо несильно лягнуло, но вполне терпимо, а важнее всего было то, что отдача не забрасывала ствол кверху, как у многих пулемётов. Сместил палец ниже и коротко нажал, выдав очередь, которая прошла точно по деревцу, намеченному мной.

Кучность неплохая, отдача вполне нормальная, мягкая, даже ствол водит не сильно, стрелять с упора вполне удобно. Пулемёт мне откровенно понравился, что порадовало, а то незнакомый аппарат, боялся, что что-то пойдёт не так. Убедившись, что всё готово к стрельбе, занялся своими бойцами.

- Валуева, Смирнова, ко мне. Да не в полный рост, а пригнувшись, сохранять маскировку, вдруг за местом наблюдают вражеские разведчики, вас и засекут сразу. Обойдут потом и ударят в спину, когда не ждём.

- Есть, - не вставая, ответила Валуева и ползком подобралась ко мне.

- Ну, и чего приползла, боец, где винтовка?

- Ой, забыла, сейчас, - прошептала он и вернувшись, приползла уже с ней. Акулина слышала всё и тоже вернулась за своей винтовкой, оставив её, как и Валуева.

Дальше я показывал несколько раз, как снаряжать винтовку и как целиться из неё, хотя делал это больше для Смирновой, но и Валуева, усердно исполняла мои требования, ответственно подходя к делу. Только убедившись, что девушки понимают, как стрелять и не растеряются с перезарядкой, я задумался над тем, как устроить сюрприз для немцев. Гранаты у нас были 10 штук, только вот они немецкие и на растяжку, обычным способом их не поставишь, но тут в голове сложилась обычная охотничья ловушка, в виде чертежа в голове. Я или усекался раньше охотой или мой предшественник видел это.

Суть простая, дёргать за шарик буде дерево, для чего, нужно взять довольно молодое и пригнуть к земле, там уже сделать фиксатор в виде пальца, который и будет являться спусковым механизмом. Палец выпадет, дерево распрямится с достаточной силой и махом, после чего потянет за собой верёвку гранаты, намертво закреплённую к дереву и через 7 секунд она взорвётся. Долго, конечно, но зацепить кого-то из немцев, должна, а нам это и нужно.

То, что место боя будут обыскивать не сомневался, немцы заходят узнать, кто устроил им засаду, а значит, и есть все шансы нарваться на ловушку. Поэтому оставив девушек наблюдать, взяв две гранты, отправился левее, за лёжку Валуевой. Нужное деревце нашлось здесь же, вот только соорудить механизм с первого раза не удалось, но инженерная мысль сработала быстро, а тонкий шпагат верёвки, нашёлся в мотоцикле. Гранаты привязал две рядом, на случай если одна не сработает, благо бечёвки было хоть и немного, но её хватило. Для ложной цели притащил немецкий ремень и пустой подсумок, снятый с убитого, повесив на ветке, так, чтобы подошедший, насупил на палку, удерживающую дерево. Его мне помогла придержать Валуева, хотя и не понимала вначале, зачем я с ним вожусь, но, когда объяснил, она с уважением посмотрела на меня.

Ловушку сделал вовремя. Со стороны деревеньки, которую мы проезжали, раздался шум работавших двигателей, а затем стрельба из пулемёта, а это могло означать, что к нам пожаловали долгожданные гости. Я улёгся за пулемёт, посмотрел, как устроились мои бойцы и видя, что они собраны, приказал,

- Без меня не, стрелять кто бы не показался, стрельба из моего пулемёта, будет сигналом к атаке. Напоминаю Валуева левая сторона дороги, Смирнова правая, я бью всех, кого вижу. Всё ждём.

Глава 4

«Правда» 173, 24 июня 1941 года

«Красная Армия и весь наш народ ведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу! Да здравствуют героический советский народ и его Красная Армия, защищающие родную землю! С именем Сталина мы побеждали, с именем Сталина мы победим!»

.

черновик

Окрестности Барановичи.

Время текло медленно и на дороге никого не было видно, что явно нетипично для этой местности, но возможно, беженцы идут по главной трассе, а мы стоим на просёлочной дороге, только вот я уверен, что часть войск должно идти по второстепенным. В небе с левой стороны раздался нарастающий шум и вдалеке появилась большая группа самолётов, летевших строем. Достаточно низко и, судя по всему, это явно немецкие, а не наши. Когда они скрылись, впереди раздался шум и на расстояние километра, на дорогу выехали мотоциклисты, только в этот раз их было больше, два с колясками, а четыре обычных, на всех сидели солдаты, и они быстро приближались. Скорость движения — не меньше тридцати километров в час, что для просёлочной дороги достаточно быстро.

- Дмитрий, что, стреляем? — раздался вопрос Валуевой.

- Я сказал, без команды не стрелять, это разведка, за ними должна ехать колонна. Ждём, молча.

Мотоциклы проехали мимо нас, всего немцев насчитал 14 солдат и это много, даже без пулемётов они нас смогут всех перебить, пуля, как известно, «дура», летит куда хочешь, а плотность огня от двух пулемётов и десятка ружей, будет очень плотным. Они уже скрылись и минут через десять повелась ещё одна машина и два мотоцикла с колясками, только машина не простая, а явно бронированная. Небольшая, сверху крупнокалиберный пулемёт, ещё какие-то решётки, открытые и сверху торчит немец, осматривающий дорогу. Все выглядят достаточно небрежно, и это уже похоже на головное охранение, значит, скоро должна показаться основная колонна. Если там будут танки, то вступать в бой уже не будет никакого смысла. Один удачный выстрел из пушки и нас не станет, а на дистанции в один километр, промахнуться сложно.

Вот только проехавший броневомобиль. Меня сильно напряг, мы ему ничего не делаем им и дорогу, по которой я планировал отступать, они уже заняли, вот только вариантов других нет. Если я хочу остановить эту колонну, встречать нужно здесь, уверен, на основных направлениях их есть кому встретить. Время стало тянуться ещё медленнее, внутри всё сжалось как пружина, хотелось просто сбежать отсюда и уверен, такие мысли были не у меня одного, но девчонки держались достойно, хоть и ворочались на своих лёжках.

Ещё минут пятнадцать прошло, как вдалеке вначале послышался шум, а потом из леса выехал первый автомобиль, он ехал медленно, переливаясь на кочках, а в кузове сидели солдаты. Когда за ним показался ещё один, сомнений не осталось, что это идёт основная колонна, и было их много. Они проехали половину расстояния до нас, а на дороге я уже насчитал три десятка машин, а дальше уже показались машины с пушками. Колонна приблизилась уже на триста метров, а всё не заканчивалось. Среди них были не только грузовые, но и среднего размера. Между джипом и грузовиком, какая-то разновидность мне не встречавшаяся, в них тоже сидели солдаты с оружием в руках.

Но главное, что удивило, это беспечность немцев, они явно не ожидали нападения или были уверены, что дорога безопасна, вот за эту уверенность они и поплатятся. Подпустить решил на сотню метров, первую очередь, выпущу по сидящим в кузове солдатам, а остальные по двигателям машин. Пешая колонна движется со скоростью 3-4 километра в час, а мотори-

зованная — 20-30 километров в час. Разница огромная, и задержка такого крупного соединения точно будет значимой.

Сердце колотилось как барабан, отдавая в ушах, руки так сильно сжали рукоять пулемёта, что пришлось несколько раз разжимать её, а взгляд смотрел сквозь прицел, точно на головную машину и сидящих в кузове солдат. Взяв за отметку кочку, я дождался, когда головной автомобиль с ней поравняется, и коротко нажал на спусковой крючок.

Короткая очередь прошла точно по кабине, сразу раззудись выстрелы справа и слева от меня, а я выпустил ещё три коротких, переключившись на следующий автомобиль. Так как встали мы на повороте со смещением, то мне была видна вся колонна, что давало преимущество. Отстреляв первый короб, сменил его, не тратя ни одной лишней секунды, после чего стал стрелять короткими по 3-4 патрона, по моторным отсекам, стараясь не пропустить ни одной машины.

Немцы, надо отдавать должное, сориентировались быстро, раздались свистки и команды, после чего они ристали выпрыгивать из машин, рассредотачиваясь по полю, открыв ответную стрельбу, но явно неприцельную. Выпустив ещё около сотни патронов и заменив последний короб, стал стрелять по ближайшим солдатам, которые уже поднялись в цепь и собрались бежать в нашу сторону. Скопив пятерых, добился того, что вся цепочка залегла, а я решил переключиться на винтовку, благо она лежала рядом и была готова к стрельбе. Последний короб решил оставить на отход, чтобы прижать противника, если они подберутся очень близко.

Вот с винтовкой в руках, стоило прижать её к щеке и прицелиться, произошло что-то странное, взгляд сфокусировался на узком участке, и все объекты в небольшом пятне, как бы приблизились. Такое ощущение, что смотрю в снайперский прицел, настолько картинка ближе и чётче, но зато вокруг, ничего не вижу.

Я читал про такой эффект, он бывает у снайперов, от большого количества адреналина и помимо явного плюса, у него есть и минус, боковое зрение полностью отсутствует и противников сбоку, я не вижу. Однако сейчас, когда враг строго впереди, это играет мне на руку.

Стоило одному немцу подняться и что-то крикнуть, как я нажимаю на спуск и даже вижу, что попал точно в грудь, тут же смещаю прицел на миллиметр и стреляю в следующего, кто стал подниматься. Ещё три выстрела, все точно в цель, и перезарядка. Стоило отвлечься, и эффект туннельного зрения, сразу пропал, зато смог окинуть взглядом поле боя и быстро осмотреться. Валуева стреляет небыстро, а вот Смирнова, явно частит.

- Смирнова, не торопись, целься лучше, береги патроны, - крикнул я, а в ответ, мне прилетело только одно слово,

- Есть.

Я методично расстреливаю немцев, как в тире, не давая им высунуться, и основная группа сбилась в кучи, прикрываясь машинами, у которых парили движки от пробитых радиаторов и блоков. Не знаю, это бывший владелец тела, такой снайпер или я, а может, и мы вместе, но моя результативность просто зашкаливает. На четвёртой обойме у меня семнадцать попаданий, но здесь немцы установили сразу два пулемёта спереди разбитой колонны, сразу прижав нас к земле.

- Сменить позиции, - крикнул я и взялся за пулемёт, ожидая, когда цепь поднимется.

Хлопки справа и слева прекратились, раздались свистки и несколько сотен немецких солдат, вскочив, бросились к нам. Они успели расползтись по полю достаточно широко, на полсотни метров в каждую, часть стреляла в нас, создавая очень плотный огонь.

Всё, отходим ползком к мотоциклу, как услышали? – крикнул я, дав две длинные очереди, перечеркнувшие строй наступающих.

- Есть отступить.

- Отступаю, - раздались голоса девчонок, и это меня обрадовало, значит, живы.

Добиваю магазин, пригибаюсь к своей лёжке, прячась за небольшим бугром, запихиваю пустые улитки в вещмешок и пытаюсь уползти с пулемётом. Оказалось, сделать это очень непросто. Ствол раскалённый, винтовка за спиной мешается, вещмешок с пустыми коробами мешается не меньше винтовки. Приходится тащить по очереди, подтягивая и перемещаясь, на что уходит драгоценное время, а поверху летят сбитые щепки от попаданий по деревьям.

В итоге решаюсь на рывок, подхватив пулемёт, на карачках подвигаюсь за группу деревьев, а дальше канава, по ней к мотоциклу метров тридцать. Вроде как не должно задеть, сюда уже не долетает, но поверху деревьев ещё бьют пули. Страшно, до жути, но бросать пулемёт, как и пустые улитки коробов, нельзя.

Пока полз и бежал, весь взмок и понял, что открывать огонь нужно было раньше или покидать позиции, пока враг не поставил пулемёты. Сейчас мы все очень рисковали, но сделать уже ничего нельзя.

Девчонки уже стояли у мотоцикла, выкатив его из кювета, напуганные, но довольные, особенно когда увидели меня.

- Цел? – спросила Смирнова.

- Да, - смог выдавить я из себя, так как лёгкие горели.

С трудом поставил пулемёт на вертлюг, даже обжёгся, быстро глянул мотоцикл и с первого рывка, он у меня завёлся. Газанув несколько раз, запрыгнул на сиденье и, дождавшись, когда Валуева усядется сзади, медленно отпустил сцепление, давая газу. Дёрнувшись, он покатил вперёд, уверенно двигаясь, а я, поддав газу, выскочил на дорогу, выжав его на полную. Оглянуться себе не позволял, боясь, не удержать дорогу, поэтому надеялся, что немцы не успели добежать до поворота и увидеть нас.

Уже отъехав на километр с небольшим, услышал за спиной хлопок и опять поднявшуюся стрельбу, которая начала стихать. Похоже, моя идея с гранатой сработала, и немцы подумали, что там засада, но теперь я переключил внимание вперёд, на дорогу, ведь мы можем нарваться на броневик или на мотоциклетную группу немцев.

Проехав два небольших перекрёстка, я остановился у третьего и осмотрел следы на дороге. Нужно было решать, куда ехать, прямо вела дорога на городок Слоним и, вероятно, немцы двигались туда. Судя по следам, ни они, ни мотоциклы, направо не сворачивали, значит, есть шанс с ними разминуться. Сейчас я точно не готов на встречный бой, пулемёт не заряжен, а винтовками много не навоюешь.

- Внимание, проверить оружие, сейчас поедem в городок Бытень, там могут быть немцы, поэтому готовность к стрельбе должна быть у всех, - громко произнёс я и, сняв винтовку, проверил её.

К моему удивлению, она оказалась разряжена, и этот факт мне не понравился, я в спешке, забыл её зарядить и отходил, по сути, безоружным, доберись до меня немцы, живым бы точно не ушёл. Быстро вставил обойму, проверил предохранитель и, закинув аккуратно за спину, посмотрел на спутниц. Они молча мне кивнули, подтверждая, что у них оружие заряжено, чему я оказался рад.

Дав газу, повернул направо и не торопясь, двинулся вперёд, а через 200 метров, попалась ещё одна развилка. Пришлось доставать карту, благо она была сложена на нашем районе и долго искать не пришлось.

- Налево, прямо и прямо, - тихо проговорил я для себя, после чего медленно двинулся вперёд.

Ехал осторожно, сильно не гнал, километров 20 в час, не более, поэтому дорога до городка, заняла почти полчаса, всё это время мы были в напряжении, не позволяя себе расслабиться. На въезде всё было спокойно, никаких следов немцев, мы не застали, поэтому медленно двинулись вдоль улицы. Людей было немало, вели себя они хоть и настороженно, но смотрели не враждебно, значит, немцев точно нет.

Доехав до первого перекрёстка, остановился, не зная, куда ехать, в немецкой карте улиц не было, да и городок выглядел несколькими значками зданий.

- Кого ищите рабяты? – спросил пожилой мужичок, вышедший у одного из заборов сделанного из горбыля.

- Где у вас администрация, немцев не было ещё? – спросил я.

- Так, вроде уехала вся администрация, а немцев ещё не было.

Вид дедка, вызвал во мне что-то, непонятное и, повинуясь внутреннему импульсу, я спросил,

- А евреи есть в городе?

Тот ответил не сразу, вначале ещё раз внимательно осмотрел, глянул на оружие, на мотоцикл, только сейчас увидел немецкий крест на коляске и вздрогнул побледнев.

- А зачем вам евреи? - с дрожью в голосе спросил он.

- нам они не за чем, да и не боись, это трофейный, комсомольцы мы из ополчения. А вот насчёт евреев я спросил не просто так. Директива у них, всех евреев расстреливать, от стариков и заканчивая детьми. В начале повязки заставят носить, как в Польше, затем в концентрационный лагерь сгонять будут, а уже потом и расстреливать. Не только здесь, но и со всех окрестных деревень, так что кто не успеет уехать, всех в земле закопают, от стара до млада. Только боюсь, уехать уже не успеют, мы колонну в десяти километрах отсюда пощипали, но много их. Хорошо, если не сюда идут, то сутки может и есть, да и то, думаю, перекрыли уже дорогу, только если лесами уходить. Так, с детьми и стариками далеко не уйдёшь, - ответил я.

- Ох тыж напасци якая, - раздался выкрик за спиной мужика.

- Здесь почитай две трети евреев. Что, прям всех расстреляют? – неверяще спросил мужик, а женщина стояла, прижав платок к лицу, зажимая рот.

- Их считают за неполноценную расу, и они подлежат тотальному уничтожению. Понятно, что сразу, может, и не убьют, но и долго затягивать не будут, так что вы это передайте по домам, может, кто и спасётся ещё, а нам к администрации надо, может, кто захочет в ополчение вступить. Коммунисты или сочувствующие, ну и евреи, у них выбора-то особо и нет.

- Свернёшь здесь налево, потом ещё раз левее на перекрёстке и через полкилометра справа будет сельсовет, вам туда надо, а я сейчас по домам пойду, народ соберу, вы там не уезжайте сразу, задержитесь, пусть люди послушают. Если правду говорите, то уезжать нужно или в лес уходит, да только куда с малыми детьми-то, - рассказал мужичок, а я уже более спокойный, поехал по указанной дороге.

Здание сельсовета было не очень большое, одноэтажное, деревянное, неподалёку развалины большого храма, а рядом новострой, церквушка. На здании висел красный флаг, что убедило меня о том, что немцы досюда ещё не доехали. Заглушив двигатель, я слез с мотоцикла, проверил оружие и на всякий случай, нашёл кобуру с пистолетом парабеллум или Люгера, как его некоторые называют. Пришлось повесить её рядом с сумками для магазинов, вынул, проверил обойму, на этом и закончил, решив разобраться с устройством позже, но винтовку оставлять не стал.

- Отряд, слушай мою команду, - строго произнёс я, внимательно осмотрев девушек, которые вытянулись передо мной с винтовками на плечах.

- Я иду выяснять обстановку, ваша задача, охранять мотоцикл и никого к нему не пускать, будь то гражданские или военные. В случае угрозы разрешаю стрелять, предупредительным в воздух, это наш трофей, и он нужен для оперативной работы. Да и найдите чем соскоблить эти кресты, мы всё-таки советские люди. Приказ понятен?

- Понятен, - хором ответили девушки.

Я развернулся и направился к открытой двери сельсовета, войдя внутрь. Там царил полумрак и прохлада, по сравнению со знойным летним днём снаружи. Только сейчас я понял, что хочу пить и желательно чего-то перекусить, а значит, и мои подчинённые тоже хотят этого.

- Есть кто живой? – громко спросил я, и вначале ответом была тишина, но потом в конце коридора скрипнула дверь, из которой вышла пожилая женщина.

- Вам кого, молодой человек, - прищурившись, спросила она.

- Председателя или иного представителя власти.

- Так уехал председатель и бухгалтер с утра в областной центр, на машине.

- Куда именно? – спросил я, уже чувствую, что ответ мне не понравится.

- Так, в Брест и поехали, говорят немцы, войну начали, вот они и поехали для нужд армии зерно и продукты повезли.

- Телефон работает? – спросил я, поняв, что председателя ждать бессмысленно.

- Третий день молчит.

- Комсомолыцы в голоде есть?

- Да, но они с председателем все и уехали на двух полуторках, в одной продукты, а в другой люди, вес двенадцать человек. А что случилось то, что за срочность? – спросила женщина, когда я уже подошёл вплотную к ней.

Тут она увидела у меня на плече винтовку и ахнула, прикрыв рот.

- Немцы в десяти километрах отсюда, прорвались, скоро будут здесь, нужно эвакуировать женщин и детей, особенно евреев.

- А почему евреев? – не отпуская рук ото рта, спросила она.

- Немцы решили, что во всех их бедах, виноваты именно они, и выпустили приказ, от тотальной зачистки населения от евреев, путём геноцида, то есть, убийство всех, от стариков до младенцев. Мне сказали, что евреев в вашем городе больше половины, вот их и нужно эвакуировать в первую очередь.

- Но это же невозможно, это не может быть правдой.

- Вы хотите проверить на детях, убьют их или нет? Поэтому нужно собрать людей, я скажу о планах немцев, а дальше они пусть решают сами. Если соберутся быстро, может, и успеют ещё уйти, вроде немцы кольцо не замкнули.

- Да, конечно, я сейчас же найду, кого послать по домам, за час всех соберут, - сказала она и, закрыв кабинет, направилась на выход из сельсовета.

Глава 5

Наше дело правое. Враг будет разбит.

«Правда» 175, 26 июня 1941 года Бойцы и командиры Красной Армии героически сражаются на фронтах отечественной войны. Самоотверженным трудом весь советский народ помогает Красной Армии разгромить врага. Будем неустанно повышать производительность труда, крепить организованность, оттачивать революционную бдительность!

С именем Сталина мы побеждали, с именем Сталина мы победим!».

Окрестности Барановичей. Город Бытень.

Вернувшись к мотоциклу, застал там одну Смирнову, поэтому задал закономерный вопрос:

- А где Валуева?

- Отошла по делам и воды попить, - смутившись, ответила девушка, а здесь уже и её увидел, идущую из кустов.

- Так, поехали к колодезю, нужно умыться, напиться, набрать воды в запас, и заодно проведём ревизию, что можно поесть из трофейного.

Колодец нашёл рядом, там и устроили привал, я скинул пиджак, рубаху и только сейчас заметил на боку рану, а в рубахе и пиджаке нашёл дырку от пули.

- Митя, ты ранен, - вскрикнула Акулина и бросилась ко мне.

- Ерунда, по касательной зацепило, - ответил я.

- Надо осмотреть и обработать, иначе может заражение быть, гангрена и смерть, - строго произнесла Валуева, направляясь ко мне.

- Откуда такие пессимистические познания в медицине? – удивлённо спросил я.

- Я всё-таки дочь командира Красной армии и в госпитале практику проходила, отец решил, что я должна уметь обрабатывать раны. Вот и научилась, теперь знания пригодятся, а то я думала, только зелёнкой мазать придётся.

- Ай, - вскрикнул я неожиданно, когда девушка попыталась оттереть засохшую корку. - А поаккуратнее можно?

- Рана глубокая, но можно не зашивать, но перебинтовать точно нужно, у немцев я вроде пакеты видела, там на ощупь бинты, сейчас и проверим.

Действительно, девушка достала прорезиненный свёрток и, надорвав его, достала стерильный бинт.

- Подожди, дай помоюсь, окачусь, а потом вяжи, - сказал, направившись к ведру с водой, которое достала Смирнова, благо, что здесь стоял журавль, и особых усилий на это не требовалось.

Мытьё и обработка раны заняли минут двадцать, а после я распотрошил немецкий паёк, в который входили: буханка хлеба, банка консервов, галеты, кофе, сахар и несколько сигарет. Сразу достав два, разделил его на всех, банки открыли и ели, сидя у мотоцикла, крест на котором девушки уже затёрли куском кирпича.

Стоило перекусить, как усталость взяла своё, навалившись, и буквально не давала встать, девушки выглядели не лучше, столько стресса они явно никогда не переживали. Пришлось сделать усилие, чтобы встать и скомандовать.

- Отделение, становись.

Когда девушки встали, внимательно осмотрел их, после чего добавил:

- Привести себя в порядок, 5 минут на всё, потом едем к сельсовету, будем агитировать вступить в народное ополчение. Смирнова, ты внесла в боевой журнал последний бой?

- Ой, забыла, сейчас заполню. А как считать немцев, если точно не знаю, сколько попали?

- Так и пиши, выведено из строя от столько-то до столько-то противников, ориентировочно выведено столько-то техники. Опрос возьмёшь у каждого из бойцов ополчения, участвующих в сражении.

- Есть заполнить журнал.

- Дмитрий Александрович, а вы сколько немцев уничтожили, - спросила Акулина.

Задумавшись, ответил:

- Вывел из строя до двадцати автомашин противника. Уничтожил от трёх до пяти десятков солдат противника.

- Ого, а как вы определили, что уничтожили технику противника? – спросила Валуева.

- Не уничтожил, а временно вывел из строя. Стрелял короткими очередями по моторному отсеку, наблюдал следы пара, значит, как минимум пробит радиатор, и без ремонта ехать техника не сможет, а если пули пробили блок двигателя, то здесь уже только замена поможет. Как минимум на час задержали часть колонны, а может, и дольше. Пока соберут убитых и раненых, пока убедятся, что засады нет. Опять же, необходимо провести ремонт и не одной машины, а несколько десятков. В идеале наведаться к ним под утро и перебить тех, кто остался с ремонтом, заодно и оружием разжиться. Уверен, что-то останется с техникой, от десяти до полусотни бойцов, а то и больше снабженцев и водителей. Утром можно будет взять их тёплыми, только нужно разведать под вечер, чтобы сюрпризов не было, - ответил я.

- Согласна, в поле машину быстро не починить, одну ещё ладно, а десяток - это уже проблема, - согласилась Валуева.

- Значит, мы действительно смогли задержать колонну немцев? – спросила Акулина.

- Уверена, быстро они уже точно не поедут, - подтвердила Валентина.

- Ладно, поехали, проведём собрание, может, ещё добровольцев наберём, сколько у нас оружия в запасе? – спросил я.

- Пять винтовок есть, - доложила Смирнова.

- Отлично, будет с чего начать.

До сельсовета добрались быстро с соседней улицы, и народу там уже стояло немало, больше трёх сотен человек, все волновались, переговаривались, и со всех сторон, подходили новые люди. Стоило нам проехать к крыльцу сельсовета, как толпа затихла, обратив всё внимание на нас. Я спокойно слез с мотоцикла, вслед за Валентиной поправил винтовку, пиджак, ремень с патронташем и только после этого посмотрел на стоящих людей. Прикинув, что отсюда меня не видно, я зашёл на крыльцо и, посмотрев на людей, заговорил.

- Товарищи, для нашей страны настал нелёгкий час испытаний. Немецкая, а правильнее сказать – фашистская Германия, подло напала на Советский Союз Социалистических Республик. Многие из вас скажут, что их это не касается, но вы окажетесь неправы, почему я назвал их не немцами, а фашистами? За их идеологию, где свою расу они ставят над другими, считая остальных унтерменшами – низшими расами, которые должны служить им в качестве рабов. Да, да, вы не ослышались, в их построении мира, кроме арийской расы, других не существует, поэтому на подконтрольных им территориях останутся только бесправные рабы. Но и это не самое плохое в их идеологии, самое плохое - это то, что они считают некоторые расы, недостойными существования, а первые в их списке - это евреи, подлежащие тотальному истреблению. По секретной директиве, при оккупации, такие представители человечества лишаются любого имущества, сгоняются в создаваемые концентрационные лагеря, после чего подлежат тотальному уничтожению, начиная от стариков и заканчивая младенцами. В живых, по их секретной директиве, не должен остаться ни один еврей. Следом за ними идут темнокожие, цыгане, азиаты и даже русские, поэтому не ждите, что на место Советской власти придут новые хозяева. Придут фашисты, для которых вы не люди, а хуже скота. Теперь второе, да, Красная армия сейчас отступает и отступать будет ещё долго, до тех пор, пока не перебросит свои резервы и армии с других бескрайних просторов нашей страны. На это требуется время, но скажу вам

одно, врага остановят, а потом погонят прочь, и война завершится в Берлине на руинах рейхстага, а Гитлер застрелится в бункере. Но сейчас вы должны подумать о себе и своих близких, которых я настоятельно рекомендую эвакуировать. Ещё есть сутки, чтобы покинуть город и уехать вглубь страны, где вы сможете оказать помощь фронту, работая на заводах и сохранив свои жизни и жизни своих детей.

Мы, комсомолы, останемся здесь как минимум на сутки, чтобы дать вам эту возможность, задержим врага, чтобы вы смогли уйти от войны. Но также я обращаюсь и к тем, кто ещё способен держать оружие, тем, кто способен защищать свою расовую принадлежность, своих близких. Вступайте в ряды ополчения, вместе разбить врага будет проще. Оружия немного, но оно есть, а понадобится, отобьём ещё. Также просьба помочь, кто чем может, в первую очередь пропитанием длительного хранения, так как, возможно, сражаться мы будем в окружении и выходить придётся лесами. Я всё сказал, товарищи, если есть вопросы, спрашивайте, отвечу по мере возможности, - закончил я свою речь, наблюдая недоверие на лицах людей.

- А откуда мы знаем, что ты говоришь правду? – раздался голос из глубины толпы.

- Назовитесь, уважаемый.

- Прохор я, меня здесь все знают, а вот вас видят впервые.

- Скажу правду, Прохор, живых доказательств у меня нет, я не держал эту секретную директиву в руках, но скажу тебе одно. В Польше, которой раньше принадлежали эти земли, в Варшаве, всех евреев выселили из их домов, устроили погромы, лишили гражданства и всяких прав. Сейчас их уже переселяют в созданные концентрационные лагеря, где пока используют как рабочую силу за вонючую похлёбку, но в скором времени будут сжигать в печах, расстреливать и убивать всеми доступными способами. Уже разработан план - травить евреев газом, чтобы не тратить патроны, так необходимые рейху для войны. Да вы и сами слышали слухи про творимые бесчинства в Варшаве, но если вы думаете, что всё закончится на евреях, то вы глубоко ошибаетесь. Может, год или два остальных жителей и не будут трогать, но в любом случае все эти земли обещаны солдатам вермахта в качестве личных вотчин, а жители пойдут в качестве бесплатной рабочей силы. Решайте сами, мой долг как комсомольца, как человека, в конце концов, для которого все люди равны, сообщить вам об этом, а голова на плечах есть у всех. Поэтому вам решать, как поступить, я своё слово сказал. Кто хочет записаться добровольцем в ополчение, прошу подходить ко мне, кто придёт со своим оружием, будет почёт и уважение. Ну и за помощь продуктами и бытовыми вещами, необходимыми в походе, будем благодарны.

Да, ещё хочу добавить, если соберётесь уходить, идите по второстепенным дорогам, все основные немцы расстреливают и бомбят с самолётов. Всё, товарищи, собрание окончено, - произнёс я, спускаясь с крыльца, посчитав, что этого достаточно.

- А правда, что этот мотоцикл немецкий? – спросил молодой парень лет двенадцати, смотревший с интересом на технику.

- Да, взяли трофеем с немецкой разведывательной группы, уничтожив её в пятнадцати километрах отсюда.

- Немцы что, уже так близко? – ужаснулась одна из женщин, стоявших рядом.

- Да, большую колонну мы потрепали в десяти километрах отсюда, дав короткий, но яростный бой. Вот с этого пулемёта я лично скосил десяток фашистских захватчиков, а мои товарищи, уничтожали их выстрелами из винтовки, - ответил я, попытавшись переключить внимание на девушек, и это мне удалось.

Вперёд вышло несколько парней моего возраста и с интересом посмотрели на них и винтовки на их плечах.

- Что сама вот из этой винтовки убила немца? – не веря, спросил один из парней Акулину.

- Не знаю, убила или нет. Я прицелилась, выстрелила, он взмахнул руками, схватился за живот и упал, а я переключилась на другого, - смутившись, ответила девушка.

Дальше я стоять не стал, было ещё много дел, поэтому, найдя глазами женщину из сельсовета, я направился к ней.

- Вы, правда, считаете, что еврейским семьям, что-то угрожает? – спросила она, стоило мне подойти.

- К сожалению, да, угроза реальна и спрятаться от неё можно только в советском тылу. Нам бы на постой встать, на сутки, может, двое, где можно поспать, перекусить, пока одни дежурят, да и если желающие в ополчение найдутся, нужно будет их тоже накормить и разместить, - ответил я, задав насущные вопросы.

- Пойдёмте, я размещу вас в здании, здесь есть для командировочных и для гостей. У нас ведь здесь Аграрная школа, часто приезжают перенимать опыт, всё заслуга председателя, он не дал её закрыть, вот деток обучаем, - ответила женщина, ведя меня внутри, по коридору, но в другую сторону, чем я шёл в прошлый раз.

- Простите, не уточнил, как вас зовут.

- Рубинович Малка Валериановна.

- Станкевич Дмитрий Александрович, - ответил я, разглядывая комнату, которую нам выделили, она была разделена небольшой перегородкой на две части, что нам очень подходило, и я сразу захотел прилечь и поспать, настолько устал, но сделал усилие и, поблагодарив, забрал ключ, закрыв дверь на замок. Стоило мне выйти на крыльцо, как застал интересную картину, вокруг девушек собрался десяток мужиков и расспрашивал их, а они не знали, что им делать.

- Митька. Ой, прости, Дмитрий Александрович, вот добровольцы, четверо хотят записаться в ополченцы, а эти шестеро хотят помочь с охраной города на время эвакуации, - выговорила Акулина, смутившись.

- Рад, товарищи, что проявили сознательность и не остались в стороне, начнём с добровольной охраны, расскажите о вашем городке, сколько дорог, давайте посмотрим, откуда может появиться немец, - произнёс я, доставая карту и выкладывая на багажник мотоциклетной коляски.

- Так, как вижу, по эту сторону реки Щара есть шесть дорог, на каждой нужно поставить по наблюдателю с ружьём. Задача только одна, дать сигнал выстрелом в воздух. Этого будет достаточно, чтобы понимать, откуда идёт гроза. Не думаю, что первый раз немец подлезет с разных сторон. Обычно это разведчики на мотоциклах, в крайнем случае - бронеавтомобиль. Задача наблюдателя - засечь немцев, выстрелить в воздух и отойти. Стрелять по ним не нужно, во-первых, не попадёте, во-вторых, у них в любом случае будет пулемёт, а против пулемёта вы ничего не сделаете, даже спрятаться не удастся, стволы деревьев и деревянные стены может прошить насквозь, поэтому не геройствуем. Если есть возможность, то менять наблюдателя каждые 2–3 часа, днём и ночью. Найдёте ещё добровольцев на дежурство, только ответственных? – спросил я мужиков.

- Найдём, чего же не найти, и ружья найдём, чай, все тут охотники, так что это не проблема. Меня дед Игнат зовут, я старший в колхозе за уборку урожая, старшим буду. Ты вот что нам скажи, как же армия отступает, нам вот говорили, что бить врага будут на его территории, а вона оно как получается.

- Дед Игнат, ты знаешь, что такое военная хитрость?

- Ну, допустим.

- Вот немцы её и применили, согласовали с руководством пакт о ненападении, сами стянули войска к границе, да не только свои, а и чехословаков, румынов, итальянцев и прочих. Ударили, когда не ждали, и в крупные бои не вступают, используют тяжёлую технику для прорыва, берут войска в окружение и идут дальше. У нас страна самая большая во всё мире, и угроза на границе достаточно. Вот пока соберут все войска в кулак, когда выстроят оборону, тогда и остановит Красная армия врага, а пока приходится подстраиваться под текущую обстановку, отступать, чтобы сбереечь резервы и занять оборону. Но фашисты не дураки, режут укрепления

танковыми ударами, прорывают оборону, заходят в тыл, поэтому нужно время приспособиться к такому ведению войны, а на это нужен срок. Не спору, ошибок в руководстве хватает, но и советские солдаты исполняют свой долг до конца. Конечно, есть и паникёры, и откровенные дезертиры, но и их поставим в строй, заставим искупить вину перед родиной, - ответил я.

- Складно говоришь, а сколько тебе годков-то?

- Пятнадцать, но ты, дед Игнат, на мой возраст не смотри, на войне взрослеют очень быстро, да и комсомолец я, а мы всегда на острие удара стоим. Вон, Гайдар в 15 лет тоже ротой командовал, а здесь ополчение, справлюсь, и не смотри, что молодой, на моём счету немцев уже хватает, можешь у моих подчинённых спросить, - ответил я, кивнув на девушек, которые очень внимательно слушали наш разговор.

- Лады, как к тебе обращаться, командир, - спросил дед.

- Станкевич я, Дмитрий Александрович, при всех по имени-отчеству, а наедине можно и Митрием, всё-таки вы старше меня будете, а старость уважать нужно. Ну, как, справитесь с задачей, на вас можно положиться? А то мне ещё ополчение формировать.

- Нашёл здесь старого, я ещё в первую Мировую немцев бил, наград не получил, но с постановкой постов справлюсь, не переживай, порядок у меня в бригаде железный, тут можешь быть спокоен.

- Вот и хорошо, если ещё пацанов местных привлечёшь, чтобы сигнал давали. Вдруг кто незнакомый в город зайдёт или заедет, чтобы сразу весть дали. Может, солдаты, может, дезертиры или шпионы, диверсанты. Немец хитёр, нужно быть готовым ко всему.

- Складно говоришь, найдём башибузуков, всё одно увяжутся с караульными, вот и службу сослужат. Я так понимаю, остановился в сельсовете, сюда их слать с вестью?

- Да, здесь будет командный центр, отсюда и управлять будем, ну пока стоим в Бытене, а там видно будет, - ответил я, а потом, посмотрев на родственницу, добавил. - Только вот Акулине Семёновне списки подай, кто дежурить будет, чтобы потом вопросов не было, а так вы добровольная дружина, официально, если надо, бумагу дадим за моей подписью. Так, ни милиция, ни какой проверяющий орган к вам не придерётся, - сказал я, кивнув на Семёнову, а та, вздохнув, кивнула, соглашаясь с новой обязанностью.

Глава 6

Город Бытень, население около 2 тысяч человек, две трети из которых иудеи.

В 1939 году, с присоединением Западной Белоруссии к Советскому Союзу, Бытень вошёл в состав БССР и в 1940 году стал центром Бытенского района Барановичской области (с 8 января 1954 года — Брестской области). В это время здесь работали начальная школа, больница, почта, лесопильный завод, сапожная и швейная артели.

черновик

Окрестности Барановичи. Город Бытень.

- Ну, кто в ополчение готов записаться, подходим, не стесняемся, - громко произнёс я, снимая пулемёт с коляски, так как требовалось провести его чистку.

- Михайло и Игорь, Рахмановы мы, отец комсомолец, уехал с утра, с председателем, вот нет до сих пор.

- Возраст, где родились? – спросил я, кивнув Акулине, записывать данные.

Мне восемнадцать, в следующем месяце будет, а брату девятнадцать, но он ещё учится на агронома, призвать должны в следующем году.

- Хорошо, с оружием знакомы, стрелять умеете? Какие документы, удостоверяющие личность, есть, оружие учёт требует, без документов не выдам, – спросил я.

- Кто же не умеет, на охоту с батей ходили, да и так он стрелять учил. Белке в глаз не попаду, но сбить на сосне собою, не промахнусь ни я, ни брат. У меня трудовая книжка, а у брата удостоверение, там всё указано, в милиции выдали. Паспорт не дали, он к колхозу приписан - ответил Михаил.

- Хорошо, вот держите, винтовку, принцип простой, вот так заряжать, вот так предохранитель, целиться как, разберётесь, позже проведём стрельбы, пока выдаю одну на двоих, и две обоймы патронов. К вечеру решим, кто из вас лучше стреляет, тот и получит. Может, и оба по винтовке получите, там по результатам и решим. На постой в правление спросите, вас временно разместят, пока так, - ответил я, вручая винтовку и показывая, как с ней обращаться. Сразу парней не отпустил. Заставил несколько раз пересказать всё, что я показал и рассказал про технику безопасности, затем отправил их устраиваться в сельсовете.

- Дмитрий, вот я смотрю на тебя и не понимаю, а откуда ты всё это знаешь, про фашистов, про тактику окружения, стреляешь очень метко, вон, речь толкнул перед толпой, даже не смутившись и про этот, геноцид, откуда всё это? – неожиданно спросила Валуева, когда ушли братья.

- Честно сказать? Не знаю, вот до этого жил простой парень Митька Станкевич, а потом наш поезд разбомбили немцы, меня контузило, очень сильно. Часть забыл. Часть само в голове появляется, где и когда, я всё это узнал, не могу ответить, но то, что уверен в каждом своём слове, это я тебе обещаю, - своеобразно ответил я и переключился на ещё двух добровольцев, которые мялись в стороне, не решаясь подойти.

- Ну, рассказывайте, кто вы такие, всё подробно, а Акулина запишет.

- Пахом я, в армию не вз... вз... взяли из-за... за... икания, но стрелять умею. У меня отец, охотник промыс... промыс... ну умеет он.

- Допустим, не боишься здесь и убить могут? – спросил я на нескладного парня, который сильно заикался, но было в нём что-то, что не позволило его отправить домой. Какой-то стержень, и уверенность, что он ещё пригодится.

- Бо... бо... боюсь, но не под... подведу! – с трудом выговорил он, ещё больше волнуясь. На вид парню лет 25, может, и меньше, но свитый, к тяжёлому труду точно привычный, да и ладони в мозолях.

- Да, вы не переживайте, он обычно нормально говорит, только когда волнуется, а стреляет он неплохо, значка нет, но охотник знатный и в лесу хорошо ходит и машину водить умеет, в колхозе он водителем работает, - произнёс парень, который левую руку прятал в кармане.

- А ты кто?

- Архип, Суслов, в детстве в молотилку руку сунул, вот пальцы и оттаяло, в армию, как и Пахома не взяли, а на охоту мы вместе с Другом ходили. Водить могу мотоцикл, грузовик плохо, стреляю не очень метко, но буду стараться. Возьмите нас, не пожалеете, а то, что страшно будет, так всем страшно, но мы выдюжим, - произнёс второй парень.

- Хорошо, тогда документы, одна винтовка на двоих, пока, а там вечером посмотрим. После оформления у Акулины, в сельсовет, на постой, - ответил я, записывая данные в блокнот, параллельно с Акулиной, чтобы список личного состава всегда был под рукой.

Нашёл рядом скамейку, на неё и уселся с пулемётом, начав его разбирать, а когда искал ветошь в мотоцикле, в самом низу, нашёл и инструкцию к пулемёту, хоть и на немецком, но с хорошими картинками, что сразу помогло разобраться в устройстве пулемёта.

Почистив пулемёт, открыл два ящика с патронами, в которых были уложены готовые ленты, снаряжённые патронами. Их стал укладывать в улитку магазина и быстро снарядил четыре полных, один навесив на пулемёт. Здесь стали подходить люди, приносить продукты, одежду, мне даже передали добротную кепку, которую сразу надел, почувствовав себя человеком. В этом времени без головного убора ходить не принято. Людей направлял к девушкам, которые развили бурную деятельность, а я не вмешивался, занимаясь пулемётом и обдумывая, что делать дальше. Люди подходили, спрашивали, про ополчение и уходили думать, через час, появились первые телеги с беженцами, спешащими покинуть город, что меня радовало. Не знаю, как в этом времени, но, если удастся спасти хоть несколько семей, значит, я не зря здесь появился. Память о прошлой жизни, иногда всплывала яркими картинками. Но я не спешил в них разбираться, уж слишком фантастическими они выглядят.

К моменту, когда закончил с пулемётом, ко мне явились два брата.

- Что прикажете, командир, произнёс Михаил, вытянувшись передо мной, а рядом его брат, с винтовкой на плече.

- Так, назначаю вам пост на входе в сельсовет, там у нас будет штаб. Внутри без разрешения никого не пускать, один держит пост с ружьём, второй ищем меня или Акулину, она разберётся, что сказать. Если не знаете, что ответить, пусть ждут на улице, пока я не проявлюсь. И теперь самое главное, внутрь не пускать никого, будь то красноармейцы, представители компетентных органов или командиры Красной армии. Сейчас все командиры на передовой, а вот кто шатается по тылам и с какой целью, мы выясним позже. Есть вероятность, что это предатели, диверсанты или шпионы, призванные выяснить количество войск в деревне, наличие тяжёлого вооружения и прочее. Поэтому вы стоите насмерть, никого лишнего не пускать, кроме Рубиновой Малки Валериановны, или под её ответственность и только из местных. В крайнем случае разрешаю делать предупредительный выстрел в воздух, так будет понятно, что у вас проблемы. Приказ понятен?

- Приказ понятен, разрешите выполнять.

- Выполняйте, - ответил я и достал пистолет Люггер.

Магазин в нём был полный, я сразу вынул и пересчитал патроны – 8 штук, всё, что есть на данный момент, может во втором мотоцикле и есть к нему патроны, но сейчас придётся обходиться только имеющимися и экономить их. Предохранитель нашёл сразу, быстро разобравшись, как его снимать и ставить. Механизм передёргивания затвора странный, но работает исправно, взводить приходится за два колёсика сверху, на затворной раме. В целом, разобрался быстро, но стрелять из него не стал, патронов жалко, да и, как правило, это оружие последнего шанса, для ближней дистанции или для работы в помещении, где с винтовкой или пулемётом, просто не развернуться. Заново переставил на ремне кобуру, разместив её справа, а подсумки

с обоймами для винтовки, перевесил на левую сторону. За пояс заткнул одну гранату, чтобы она постоянно была со мной, кинжал, найденный в коляске, пока отложил, вес и так выходил приличный.

- Товарищ командир. Разрешите спросить, что нам делать? – раздался голос за спиной, это вышли из сельсовета два друга, Пахом и Архип.

Работа нашлась им сразу, стоило взглянуть на мотоцикл.

- Так, вот вам задача, нужно провести обслуживание мотоцикла, подготовить его к длительной поездке, долить топливо, масло, если потребуется и прочее. Справитесь?

- Конечно, мотоциклы мы уважаем и любим, всё будет готово через полчаса, - ответил Архип, сразу направившись к моему трофею.

Я же, вытащил все вещи их коляске, оставив канистру с бензином, пулемёт и сменные рожки, а все винтовки понёс в здание. В итоге у меня осталось две винтовки Мосина от убитых на переезде красноармейцев, по 10 патронов к каждой и одна немецкая винтовка. Плюс патроны к винтовкам, почти целый ящик. В целом боезапас малый, только на один бой и то короткий, ни о каком долгом удержании рубежа с таким боезапасом и речи быть не может, но враг ведь не знает, наличие патронов, поэтому отпугнуть хватит, даже немного повоевать. Но в целом нужно думать, где взять ещё оружие и боеприпасы, если я действительно хочу собрать ополчение и нанести ощутимый урон немцам.

Стоило закончить разбирать вещи и выйти на крыльцо, как над головой услышал шум моторов, подняв, увидел два бомбардировщика, летевших очень низко, чуть в стороне, слева от нас, если смотреть в сторону границы. На крыльях были видны звёзды, а сами они выглядели очень внушительно. Чуть позже над ними пролетел параплан со сдвоенными крыльями одно над другим. Насколько я помню, это конструкция самолётов Первой мировой войны, конструктивно устаревшая, но ещё используемая Красной армией. Уже в воздухе, они чуть изменили направление и оба направились в то место, где мы обстреляли колонну немцев. После чего, в той стороне раздалась взрывы, а ещё через десять минут, они начали возвращаться обратно, явно избавившись от своего груза.

Если я прав, то колонну мы задержали, а она стояла посреди поля, объехать там не везде можно, вот на стоянке её и поймали бомбардировщики. Теперь у меня возникло желание навестись и выяснить, как произошёл разгром колонны, ведь помимо пехоты, там ещё и пушки были, а конец колонны мы вообще не видели.

- Вот молодцы, Сталинские соколы, — выкрикнул Михаил, сорвав кепку с головы и начав махать ею над головой.

Вот только его радость не продлилась долго, резался ещё один звук, и с высоты на самолёты свалилось два хищных силуэта Мессершмидта. Бомбардировщики стали огрызаться из пулемёта в задней полусфере у хвоста, это не дало приблизиться к ним вплотную, но всё равно, после первой атаки, один из двигателей второго самолёта задымил, и он чуть качнул крылом, но смог вытянуть на одном движке выровняв и продолжил лететь к нам в тыл.

Тут в бой вступил истребитель сопровождения, подловив момент, когда немцы начали набирать высоту, метко выпустив длинную очередь по одному из немецких самолётов, отчего тот задымил, а потом стал заваливаться и упал. Дальше он погнался за вторым, но он смог вытянуть самолёт ан вертикаль, увеличив разрыв, а потом, совершив несколько манёвров, застал наш самолёт на высоте, практически потерявшим скорость. Понятно, что двигатель у него слабый, и не может тягаться с современными самолётами немцев. Как закономерный результат, кабину и двигатель, пересекли несколько очередей от немецкого истребителя и заглохнув, наш параплан, начал заваливаться вниз, уходя в вертикальный штопор.

- Во же гад, сбил нашего. Ну куда он полез на высоту, у того движок мощнее, вот и не вытянул, там его и подловил.

- Прыгай, ну, прыгай же! – выкрикнула Валя, сжав моё плечо и даже не заметив этого.

Я осмотрелся, увидев, что народу вокруг о казалось много и все смотрели на воздушный бой, произошедший в непосредственной близости от городка. Все переживали за нашего лётчика, а тот сумел выбраться из кабины и выпрыгнул, раскрыв парашют, вот только немецкий лётчик, вернулся и стал расстреливать падающего парашютиста.

- Вот гад, сволочь, что же он делает. Да как так-то.

- Это же неправильно, так ведь нельзя, - услышал я голос Акулины, которая вышла на крыльцо вместе со всеми.

- Он приземлится не так далеко отсюда, может, съездим за ним на мотоцикле? – спросил Михаил.

- Архип, мотоцикл готов? – спросил я, подбегая к нему и смотря, как падает парашютист, а немецкий самолёт кружит вокруг него.

- Готов, всё проверил, бак полный.

- Бери винтовку и со мной, я в коляске, слушать приказ и не спорить. Скажу в лес, сворачиваешь в лес не спрашивая, скажу в кусты, едешь в кусты, мы не на танке, встретим немцев, придётся отступать. Не только мы видели парашютиста, немцы тоже захотят его достать, - приказал я, усаживаясь в коляску и размещая винтовку, чтобы не мешалась, после чего взял пулемёт в руки и махнул рукой, показывая, куда ехать.

Архип уже завёл мотоцикл, и ему оставалось только вскочить на сидушку и надавить на педаль газа. Мы рванули резко, и довольно шустро, понеслись направо, к выезду из деревни на западе, так как он скрылся в той стороне.

- В стороне лесопилки упал, где-то там, - крикнул Архип, выжимая из мотоцикла всё, что можно, и мы неслись, подпрыгивая на ухабах.

Небольшая деревенька в десяток домов пролетела незаметно, а дальше началась разбитая дорога, где каждая кочка отдавалась на моей задней точке, но приходилось терпеть, так как понимал важность первыми найти нашего пилота.

- Вон он, - крикнул Архип и я, приподнявшись в коляске, разглядел парашют, повисший на небольшой лесополосе. Вот только в ту же сторону, перед нами ехало ещё два мотоцикла с коляской, явно немецкие, и сидели там немцы. Не видя, что мы едем следом, так как выскочили из леса на поле.

Приподнявшись. Крикнул водителю, чтобы услышал меня,

- Как они затормозят, ты тормози, курсом прямо на них, я из пулемёта их причешу.

Немцы что-то кричали, не смотря по сторонам, уверенные, что они одни здесь, а Архип гнал сломя голову, нагоняя их. Близко подъезжать они не стали, остановились в сотне метров от висящего парашюта, мы тоже остановились, а я уже навёл пулемёт на дальний мотоцикл, до которого было около сотни метров и тщательно прицелился. В голове сразу просчитал варианты и взял прицел чуть ниже, так как выстелен он был на триста метров, а здесь сотня. Флажок предохранителя большим пальцем, передвинул, затаил дыхание и, наведя на спину за водителем, нажал на спусковой крючок, дав короткую отсечку, в четыре патрона, затем ещё одну, довернув ствол и ещё одну, чтобы гарантированно закончить с первой целью.

Двинулся правее, смещая прицел влево, ко второму мотоциклу немцев и даю длинную, так как они уже выпрыгивали из него. Одного задел, что в коляске с пулемётом, и он повис, не успев вылезти, а вот два других, упали на землю, прикрывшись мотоциклом. Сразу выстрелив в нашу сторону. Обе пули ударили по корпусу нашего мотоцикла, но отвлекаться я не мог. Мне ничего не оставалось, как стрелять через него, рисковать не имело смысла. Шесть коротких очередей, перепалили всё вокруг него и за ним, простреливая насквозь, пока не кончились патроны. Менять улитку не стал, а выскочил из коляски, подхватив винтовку, сразу наводя в сторону противника, и медленно пошёл в ту сторону.

Добивать никого не пришлось, все получили по несколько пуль в корпус и уже точно не могли оказать сопротивления. Проверив первый мотоцикл, убедился, что там нет даже живых,

после чего, позволил себе осмотреться. Больше по полю никто не двигался, ни немцев, ни кого-то ещё, поэтому нужно срочно сеять лётчика и уезжать, пока не пришла к ним подмога.

Лётчик висел почти у самой земли и был ещё жив, обе ноги у него прострелены, поэтому, прежде чем снимать, я решил перетянуть ноги, для чего вернулся к немцам и снял ремни. Одна нога перебита в районе голени, висела на куске мяса и не уверен, что её смогут спасти врачи, но жгут наложил сразу, а вот вторая нога была с раной по касательной в районе бедра, но сильно кровила. Хотя здесь кость должна остаться целой, тут наложил повязку, благо немецкий бинт нашёлся у ближайшего трупа во внутреннем кармане.

- Сдёргивай парашют и в коляску его, а я пока соберу трофеи, - приказал я Архипу, как только мы опустили лётчика на землю, и я убедился, что он ещё жив.

Глава 7

Сообщение Советского Информбюро за 25 июня 1941 года.

«25 июня подвижные части противника развивали наступление на Вильненском и Барановичском направлениях.

Крупные соединения советской авиации в течение дня вели успешную борьбу с танками противника на этих направлениях. В ходе боя отдельным танковым группам удалось прорваться в район Вильно — Ошмяны.

Упорным сопротивлением и активными действиями наших наземных войск пехотные соединения противника на этих направлениях отсечены от его танковых частей.

Попытки противника прорваться на Бродском и Львовском направлениях встречают сильное противодействие контратакующих войск Красной Армии, поддержанных мощными ударами нашей авиации. В результате боёв механизированные соединения противника несут большие потери. Бой продолжается.

Стремительным контрударом наши войска вновь овладели Перемышлем».

черновик

Окрестности Барановичи. Город Бытень.

Комплект вооружения был схож с первыми трофеями, взятыми мной с мотоциклистов, пулемёты и винтовки, никаких тебе автоматов, так часто показываемых в фильмах моего времени.

- Один мотоцикл не возьмём, там всё вдребезги, - с сожалением высказался мой спутник, после беглого осмотра, когда сдёрнутый парашют убрал в коляску.

- Ничего, и так трофеи знатные, будет, чем мужиков вооружить, а сейчас помогай, внимай с них всё, что видишь и всё из карманов, им уже не нужно, а нам может пригодиться, да и солдатские книжки нужно собрать, - пояснил я, снимая всю портупею с водителя.

Забрал три винтовки, сложив их в целый мотоцикл, снял пулемёт из разбитого мотоцикла и просто стал перекидывать вещи из коляски в целый трофейный. Немцев обирал полностью, не разбирая, снял даже сапоги, так как они уж очень качественные, а мои ополченцы, две были в драных. Затем вдвоём, быстро перетащили раненого лётчика, всё ещё находившегося в бессознательном состоянии, в коляску и с трудом разместили его там, перебитую ногу уложив сверху. Перед этим пришлось сделать временную шину из палок, однако шансов спасти ногу у него было немного, это понимал я и мой помощник. Пуля разбила кость вдребезги, и только опытный хирург, мог сделать операцию, собрав её, однако ногу зафиксировали, довезём до города, а там решим, что делать.

Назад двинулись на двух мотоциклах, Архип впереди, а я за ним. Ехали медленно, чтобы не тревожить раненого лишним раз, поэтому, когда въехали в городок, солнце уже клонилось к закату. Архип почему-то свернул с главной дороги в сторону, и мне пришлось ехать за ним, и только подъехав к зданию, прочитал надпись, «Больница». То, что она может быть в городке, я и не подумал, за что поставил себе минус и напоминание, подробно расспросить о нём, может, я ещё упустил что-то очень важное.

Когда я остановился у входа, из дома выбежала женщина, а за ней санитар в белом халате и они стали вытаскивать раненого лётчика, а вокруг собирались местные.

- Жив летун, Жив! – выкрикнул кто-то, и многие радостно выдохнули. Не я один переживал за лётчика, и меня это радовало, а то после объявления о наборе в ополчение, откликнулись только четверо, хотя я рассчитывал на большее.

Убедившись, что им занялись, я отправился к сельсовету, где меня уже ждали люди, желающие вступить в ополчение. Видя, что я приехал с ещё одним мотоциклом, полным оружия и трофеев, нас сразу обступили разглядывая.

- Михаил, трофеи в мою комнату, Архип, провести ревизию второго мотоцикла, подготовить его к поездке, - раздал указания и направился внутрь.

- Дмитрий Александрович, ещё трое выразили желание вступить в ополчение, и несколько человек хотя уточнить условия, - тут же отчиталась Акулина, увидев меня.

- Давай по одному и перекусить, чего, а то проголодался, - попросил я, и девушка сразу ушла, оставив меня одного.

Я уселся на кровать, закрыв глаза и пытаюсь прийти в себя, тело до сих пор было напряжено, а руки начала бить мелкая дрожь, последствия сильного нервного напряжения. Мне опять повезло, невероятно, два выстрела с малой дистанции, и ни одна нас не задела. Пулемёт отработал на все сто баллов, и удалось уничтожить немцев, до того как они поняли, что происходит. Встретяся мы встречным курсом, уверен, на том поле, сейчас бы стоял наш мотоцикл, расстрелянный в хлам, а не немецкий. Такое везение, долго продолжаться не может, здесь, конечно, особых вариантов не было, не поторопись мы, немцы могли добить лётчика, а так у него остался шанс выжить. Надо будет сказать, чтобы его завтра с утра отправили в Барановичи, пока не перекрыты пути, потом будет поздно, а лучше всего ночью, когда нет немецкой авиации. Они и так весь день летали над головой, но мы в стороне от основной трассы, а то могли и отбомбиться по нам.

- Дмитрий Александрович, пойдёте, - я накрыла стол, там и принимать удобно, секретарь выделила нам кабинет председателя, который уехал, там удобно будет всё фиксировать.

- Хорошо, возьми с собой журнал боевых действий, запишешь, мой бой с немцами и трофеи, - ответил я, и собравшись, встал, стараясь не показывать усталость.

Пока ел, Акулина записала наш бой, посетовав, что хотела бы тогда быть с нами, затем я принял троих кандидатов, одного отправив сразу. Так как это был дед семидесяти лет, но пообещал, что его будут использовать на дежурстве вокруг городка.

Один Георгий, сорока лет, призывного возраста по местным меркам, второй Адам, иудей, двадцати лет. Его семья завтра с утра отправится в тыл, а он решил воевать с нами, их разместили в задние сельсоветы, а я решил, что можно выдать оружие всем, кто есть в отряде, благо появились новые трофеи.

После разговора вышел на улицу и долго выбирал, кому доверить второй пулемёт, третий, пока убрали в сельсовет, под замок. В итоге провёл небольшую тренировку и что удивительно, первой, кто освоил немецкую машинку, оказалась Валуева. Она быстро научилась снаряжать ленты, менять ствол, а наличие знака ворошиловский стрелок, давало надежду, что стрельба её будет результативной.

Ещё я запланировал ночью операцию по разведке колонны, которую мы обстреляли и хотел достать спрятанный мотоцикл, тем более, там был ещё один пулемёт и в четыре пулемёта, мы становились грозной силой. Только вот отсутствует оружие для борьбы с бронированными целями, достаточно лёгкого броневика и нас сомнут в мгновение ока. Гранат очень мало, да и ими не каждый броневик возмёшь, нужно что-то, что способно пробивать броню, вот только где её достать. Если не ошибаюсь, то противотанковые ружья выпускать стали к осени, а мне они нужны сейчас.

- Архип, подойди, - выкрикнул я в окно, приглашая бойца для обсуждения ночной операции.

- Звали, товарищ командир?

- Да, вот посмотри на карту, вот городок, где мы находимся, вот железная дорога, вот здесь, мы обстреляли немецкую колонну, а вот здесь, я спрятал один трофейный мотоцикл с ещё одним пулемётом. Есть пути, как туда добраться, не засветившись перед немцами, которые могут быть на месте колонны? – спросил я.

- Модно вдоль железной дороги, но близко к немцам будет и нас точно засекут, и на обратной дороге встретят, а можно вокруг объехать через Чижики, там десять дворов, проско-

чим, если немцы есть, но делать там им нечего. Бедная деревенька, больше на хутор смахивает, да ещё и в лесу, дорога там не очень, через болотину в двух местах идёт, а вот для мотоцикла в самый раз.

- Отлично, тогда нужно готовиться, кого возьмём с собой, ты за руль одного мотоцикла, в коляску посажу Валентину, она с пулемётом неплохо справляется, пахом поедет на моём, я за пулемётом. Нужен ещё двое, кто поедет обратно, один водитель. Один за пулемётом, кого посоветуешь, ты всех местных знаешь.

- Адам может за руль сесть, он хорошо с техников, точно знаю, а вот кого за пулемёт посадить, здесь уже вам виднее, - ответил Архип.

- Ну, что же, так и сделаем, готовь всё к ночному выезду, потом все, кто едут, долежаться спать, нужно встать за час до рассвета. Хотя ночи и так светлые, во сколько лучше выехать, ты же местный, чтобы и дорогу уже видно было и чтобы ещё ночь была? – спросил у него.

- Предлагаю сегодня всё собрать, а выехать в 4 часа, как раз к рассвету до места доберёмся, там и с мотоциклом будет удобнее разобраться, вдруг какие проблемы? – предложил Архип.

Я кивнул, соглашаясь с ним, и тут мне пришла мысль. Почему не спросить у местных, о проблеме, с которой я столкнулся, вдруг у них есть своё решение.

- Архип, ты, я смотрю, многое знаешь и не последний парень на деревне, не знаешь, есть ли у кого-нибудь большого ружья, не обычного, а с длинным стволом и желательного крупного калибра?

- Не, у нас нет, но вот в соседнем селе, у поляка, у того есть, здоровое, ещё с войны с немцами осталось, он его тогда принёс и иногда, как выпьет, хвастался, что танк с него пробить можно. Но ему, понятное дело, никто не верит. Хотя ружьё здоровое и 10 миллиметров котельного железа на двухстах метрах он пробил принас, но до танка ему далеко. Сам не видел, но мужики судачили, правда говорят, у него его изъять хотели, но не нашли. Милиция даже обыск проводила с понятыми, но говорит, в болоте утопил, где точно не помнит, так что есть у него это ружьё или нет, то не знаю.

- Поляк говоришь, а как с тем поляком поговорить?

- Так, он рядом, с десяток километров, в Муроме живёт, можем завтра заскочить. Эта часть Белоруссии, раньше полякам отошла, после революции, а потом война в 39 с немцами у поляков, вот и убежал он от них, с добром, так у нас рядом и поселился, - рассказал Архип, с удовольствием, видя, что я интересуюсь.

Ладно, пошли готовиться к завтрашнему выезду, ужинать очень плотно и спать, завтра времени у нас не будет, поедем, как встанем, - сказал, вставая и направляясь на улицу. Предстояло собрать всех и обговорить детали, назначить дежурных на ночь в самом сельсовете, с запретом пускать кого-либо до утра.

Подготовка много времени не заняла, мотоциклы отогнали в сарай, при сельсовете и заперли, а мы, поев горячей каши с мясом, отправились спать. Я на свою койку вместе с Архипом, на вторую, а девушки за стеной. Вначале я думал, что будет не заснуть, но, как оказалось, организм только ждал команды, и стоило закрыть глаза, как я провалился в беспокойный сон, в котором мелькали картины из двух миров, перемешавшись так, что трудно было понять, где нынешний владелец тела, а где память предыдущего. Постепенно хаос упорядочивался, и воспоминания стабилизировались, ног осмыслить я их не успел, меня разбудил толчок в плечо и осторожный шёпот соседа.

- Командир, время, уже вставать надо, на востоке уже посерело, пора выдвигаться, приедем, как раз рассветёт.

Встал быстро, разбудил Валуеву и отправился умываться на улицу. Холодная вода быстро взбодрила, проверил часового, из новеньких, вроде Григорием зовут и стал собираться. К

моменту, как выгнал первый мотоцикл, рядом собрались все и, проверив оружие, первым завёл мотоцикл, за мной Архип завёл второй и мы стали грузиться.

Тут выяснилось, что фара работает только на одном мотоцикле, на моём, Пахом поэтому поехал первым, я сидел в коляске, Адам сидел рядом, за спиной Пахома. На втором мотоцикле за рулём ехал Архип, в коляске у пулемёта Валентина, а за спиной водителя Михаил. Таким составом мы и двинулись по грунтовой дороге. У выезда притормозили, пост не спал, вышли двое местных, которых видел на собрание с охотничьими ружьями, мы перекинулись парой слов и двинулись дальше.

Ехали долго, во всяком случае я был очень напряжён, всматривался в каждую тень, да и дорога была очень условная. Небольшую деревушку проехали, даже не заметив, дома все были тёмные, проявляясь только силуэтами, и лаем собак, а значит, немцев здесь не было, так как они их обычно сразу расстреливали.

Потом свернули на просеку, почти заросшую, и мне казалось, что дорога просто закончится, но затем, выехали на поля, проскочили хутор, и всё это время, я ждал, что нарвёмся на немецкий пост или колонну, вставшую на ночлег. Но нам повезло, действительно стало светлее, и вот мы остановились у лесополосы, где я прятал мотоцикл. Прежде чем идти, выбрался из коляски и осмотрел следы съезда с дороги, но посторонних следов не обнаружил и, оставив всех, с ружьём наперевес. Отправился искать свой схрон.

Мотоцикл оказался на месте, как и припрятанный рядом пулемёт, свистнув, подозвал парней, и они помогли его выкатить, быстро осмотреть, заправить до полного бака и попыбовать завести. Завёлся он не сразу. Но Архип поколдовал вокруг него, то подкачивая бензин, то трогая карбюратор. Но в итоге, с пятой попытки, он схватился и заработал, достаточно ровно.

Теперь осталось решить, что делать, возвращаться или провести разведку колонны, обстрелянной нами. До деревушки Борки, около километра, ещё столько же до места обстрела колонны, поэтому ехать на мотоцикле идея не лучшая, поэтому решаюсь провести разведку.

- Так, выдвигаемся в сторону Борки, за полкилометра, съезжаем с дороги и прячемся, я отправлюсь один в сторону деревни и попробую разведать всё, - произнёс я, понимая, что сейчас начнут спорить со мной.

- Да, как же тебя одного отпустить. А вдруг там немцы, нарвёшься на скрытый пост и всё, идти нужно вдвоём, - произнёс Архип и через пару минут препирательств и доводов, я согласился с ним. Он знал местность и мог сказать, где, вероятнее всего, спрячется немецкий пост.

Дорога до деревушки была через поле, но мы нашли густые кусты, куда и откатали мотоциклы, после чего двинулись полем, вдоль дороги. Остальным наказал ждать минимум два часа и в случае опасности, возвращаться тем же маршрутом, что и ехали сюда, оставив наш мотоцикл. Пулемёт, конечно, брать не стал, во-первых, с ним банально тяжело, а во-вторых, тихо с ним не пройти. Шли медленно, вначале осматривая участок перед собой, а потом проходя его по очереди, один прикрывает, второй перебежкой двигается вперёд. Заодно отработали связку в движении поочередно.

Дорога здесь шла практически прямо, но перед деревней был небольшой холм, который скрывал её от нас, ну и, соответственно, из деревни было не видно, кто идёт по ней. Это позволило подобраться к деревне практически вплотную и совершенно незамеченными, и, как выяснилось, опасаться было чего. На входе в деревню стоял пост из двух солдат, шлагбаума и нескольких мешков с песком, на которых стоял пулемёт и смотрел он в нашу сторону. Рассвело уже достаточно, чтобы различать детали и я достал трофейный бинокль, начал рассматривать деревню. Во дворах было много техники, большая часть явно поломанная, разбитая, несколько пушек, мотоциклы, два броневика, десяток вполне целых машин, но не это порадовало меня. Всё это накрыто ветками и маскировочными сетями. В поле напротив стояли белые кресты, срубленные из свежих берёзок, а сверху на них висели немецкие каски и было их очень много,

сотни три, ни меньше. Если сложить всё, то получается, что мы, расстреляв автомашины, застопорили колонну, а два бомбардировщика отбомбились по ним, добив. Теперь понятно, почему они никуда не уехали, хоронили погибших, ремонтировали уцелевшую технику, но сегодня они соберут уцелевшую и двинутся дальше, возможно, к нам в гости.

Даже сотня немецких пехотинцев станет для нас непреодолимой силой, которую мы в лучшем случае задержим, но никак не уничтожим. Тогда остаётся только один вариант, напасть на них с этой стороны. Единственное, что меня смущает, это два броневика, один ближе к посту стоит, и пулёмёт развёрнут в нашу сторону, но быстро они в погоню не бросятся, побоятся, тем более, если мы отработаем по деревне из трёх пулёмётов, соваться, не проверив, они не станут. Значит, время уехать у нас будет, для этого придётся толкать мотоциклы до холма вручную, с началом обстрела водители их заводят, мы отстреливаем по коробу, забираемся в них и даём газу. В погоню они пошлют, но, если не останавливаться нас не догонят, да и развилка впереди хватает.

Теперь, что сделают немцы, обстрелянные с тыла, как они считают? Остаться в деревне для них опасно, но могут окопаться и ждать подкрепления. Тогда нужно объехать и обстрелять их, с другой стороны, вот тогда они точно занервничают, могут и отступить, бросив технику. Но точно торопиться наступать не будут, возможно, поищут объездной путь.

Глава 8

Сообщение Советского Информбюро за 25 июня 1941 года.

«На Черновицком направлении наши войска отбили крупные атаки противника, пытавшегося форсировать реку Прут.

На Бессарабском участке фронта войска Красной Армии прочно удерживают позиции на восточном берегу р. Прут, успешно отражая многочисленные попытки противника форсировать её. В районе Скулени противнику, при его попытке наступать, нанесено значительное поражение; его остатки отбрасываются за р. Прут. Захвачены немецкие и румынские пленные.

Наша авиация нанесла ряд сокрушительных ударов по аэродромам немцев в Финляндии, а также бомбардировала Мемель, корабли противника севернее Либавы и нефтегородок порта Констанца.

В воздушных боях и огнём зенитной артиллерии за 25 июня сбито 76 самолётов противника; 17 наших самолётов не вернулись на свои базы».

черновик

Окрестности Барановичи. Деревня Борки.

Назад возвращались бегом, так как уже светало и нужно успеть до того, как они решат тронуться, сейчас самое время, нанести неожиданный удар.

- Слушай мою команду: сейчас я с пулемётом возвращаюсь к деревне, занимаю позицию, вы подъезжаете метров на триста, тихо, не газуя, потом глушите мотоциклы и толкаете их накатом до холма. Разворачиваете, водители остаются у машин, пулемётчики занимают позицию, как мы открываем огонь из пулемёта, заводите их и готовы сразу стартовать. Мы втроём, я, Валуева и Рахманов, отстреливаем по коробу из пулемёта, каждый по своим целям, после чего, не меняя короб, спускаемся с пригорка, прыгаем в коляски и мчим обратно, той же дорогой в объезд. Останавливаемся, только проехав Чижики, не раньше, как проедем второй перекрёсток, если не будет погони, скорость снижаем, едем спокойнее.

Учтите, у фрицев как минимум два броневика и остановить их мы не сможем, но и далеко за нами они не сунутся, побоятся засады. Теперь о целях. Михаил, стреляешь по ближайшим домам несколько очередей, затем переключаешься на автомобили, колёса, капоты, бензобаки. Понимаю, что с большой дистанции ты не разберёшь таких подробностей, но хотя бы примерно. Разброс у пулемёта приличный, попадёшь, одиночные цели не выслеживай, твоя задача машины с левой стороны дороги.

Теперь Валуева, ты ведёшь обстрел техники с правой стороны, там стоит броневик, его не трогай, броню из такого пулемёта не пробьёшь даже в упор, но, если он начнёт стрелять, несколько коротких очередей, как я учил, дашь по нему, это заставит стрелка нервничать и торопиться, а значит, бить прицельно не станет. Только не увлекайся, твоя задача повредить как можно больше автомобилей, не уничтожить немцев, а именно автомобилей...

- Но почему? - прервала она меня, что мне, конечно, не понравилось, но решил пояснить.

- Скорость движения пехотного батальона от трёх до четырёх километров в час. За сутки они способны пройти от 30 до 40 километров. В составе колонны, скорость от 20 до 30 километров в час, время на отдых им требуется меньше и проехать они могут от 200 до 300 километров. Такое подразделение, двигаясь просёлочными дорогами, может выйти в тыл нашим войскам, перерезать снабжение и взять в оперативное окружение. Дождаться подхода основных сил и разбить окружённую группировку без снабжения, находящуюся в окружении, без больших проблем. Наша задача, задержать противника как можно дольше.

Сейчас на нас надвигается настоящая лавина немецкой армии, численностью в сотни тысяч солдат и ощутимый урон, мы им не нанесём, а вот если задержим даже на несколько

часов, то позволим вывести наши войска из-под удара. Отступив, они перегруппируются и смогут дать отпор или, если повезёт, недопустим удара по ним с тыла, что продлит функционирование боевых подразделений и они смогут дольше сдерживать врага. Это как домино, одна кость упала, рухнет и вся конструкция, поэтому ваша задача, вывести из строя как можно больше техники. А вот я уже буду работать по целям, представляющим для нас опасность.

Теперь самое неприятное, если один из мотоциклов не заведётся или заглохнет, быстро переносим с него пулемёт и уезжаем на других, бросая технику. Если кого-то ранят, то грузим в коляску и уезжаем. Всем понятна задача? – строго спросил я, осматривая своих бойцов.

- А можем мы тоже пострелять, ну, как заведём мотоциклы? – спросил Архип.

- Нет, не сейчас, там броневик, ему выскочить и добраться до нас, две минуты, а если ты побежишь к нам, а потом к мотоциклу, потеряем время, которое может стоить жизни кому-то из нас или даже всем нам. Поэтому ваша задача не менее важная, чем наша, вы должны будите, вытащить нас из-под огня, а перед этим, успеть завести мотоциклы, иначе вся наша затея превратится в авантюру.

- Понятно, - ответил он, и все подтвердили, что поняли меня.

Мне пришлось тяжелее всего, так как высадили меня за триста метров от пригорка и тащить приходилось пулемёт, винтовку и запасной короб, я решил, что лишним он не будет. Но и другим пришлось непросто, один мотоцикл, с Архипом остался за триста метров, и он его не глушил, толкать его некому, поэтому он подъедет, как мы начнём стрельбу. А вот два других мотоцикла, толкали по песчаной дороге, надрываясь изо всех сил.

Добежав до пригорка, первым делом ещё раз осмотрелся и занял позицию на обочине, устраиваясь поудобнее. Убедившись, что тревогу никто не поднял, хотя постовые, что-то услышали и насторожились, внимательно вслушиваясь в утреннюю тишину. Я положил пулемёт и взял в руки винтовку, так как начать собирался с неё, хотел выманить немцев из домов, да и снять часовых не помешает.

- Мы готовы, - запыхавшись, тихо проговорила Валуева, устраивая пулемёт на сошках, сперва от меня.

До поста было около 80 метров, до ближайших домов и машин, около 120 метров, вполне рабочая дистанция для пулемёта.

- Отдышитесь, я начинаю первый из винтовки, но вы стреляете, только по команде или когда с их стороны ударит пулемёт. Нужно выманить их на улицу, так больше перестреляем. Напоминаю, стрелять короткими, по 3–4 патрона, магазин маленький, можно выпустить за две очереди и никуда не попасть разброс большой, при такой стрельбе, - напомнил я.

Постовой что-то услышал, потому что встал за пулемёт и внимательно всматривался в нашу сторону, его-то я и выбрал первой целью. Навести прицел, задержать дыхание и медленно выбрать спуск, стало привычным делом, сухой, хлёсткий выстрел разорвал утреннюю тишину, а моя цель, откинулась назад, с дыркой в голове.

Быстро переносу прицел и следует второй выстрел, отчего второй постовой складывается пополам, зажимая рану в груди, рисковать не стал, поэтому и стрелял в корпус. Не успеваю перенести прицел на дома, как рядом вскакивает ещё один, явно не понимая, что происходит, видно, что спал, пока остальные дежурили. Его я снимаю выстрелом вок, так как он развернулся, но рана явно серьёзная, того сразу скрутило, а я уже искал следующую цель.

С дальней стороны села, кто-то запустил осветительную ракету в воздух, явно с перепугу, так как света и так хватало. Ещё и выстрел раздался с той стороны из пулемёта, что было только на руку, так как создавало панику. Не знаю, куда стрелял там пулемёт, его даже не было нам видно, вероятно, просто не выдержали нервы. Оставшиеся две пули, добиваю по выскакивающим из дверей ближайшего дома солдат. Выбегали они раздетыми, в белых майках, с оружием в руках, хорошо видимые в утренних сумерках.

Два выстрела, две цели упали, но насколько серьёзные ранения, отсюда не понять. Помня предыдущую оплошность, сразу перезаряжаю винтовку, заготовленной заранее обоймой и только после этого, беру пулемёт в руки, припадаю к нему щекой, для чего приходится чуть приподняться и даю короткую очередь по ближайшим солдатам. Рядом сразу подключаются мои ополченцы. Валуева стреляет короткими, а вот у Михаила, сразу не получается, первая очередь вышла длинной, но парень быстро понял ошибку, стал бить короткими.

Я сосредоточился на целях, опять появился эффект туннельного зрения, приблизивший картинку перед глазами, а цели, стали более чёткими. Почти каждая очередь кого-то задевала, что быстро заставило немцев залечь, беспорядочно стреляя в нашу сторону. За спиной завёлся вначале один мотоцикл и вдали услышал работу мотора Архипа, а вот третий мотоцикл, пока не заводился. Слышалась ругань, дёрганье рукоятки пуска, но я быстро отстранился от посторонних звуков, продолжая выцеливать свои цели. Даже если один мотоцикл бросим, поставленная задача уже будет выполнена, осталось нанести немцам, как можно больший урон.

У Михаила патроны закончились у первого и он, выругавшись, пополз вниз, к мотоциклу затем закончились патроны у Валентины, она что-то прошипела и шустро попятилась, таща пулемёт за собой. Следом опустел и мой, я стал менять второй магазин, как от одного из домов, ударила длинная очередь из пулемёта, пройдя рядом со мной, взбивая фонтанчики пыли и вызывая неприятный холод внизу живота. Руки предательски задрожали. Но я, сделал усилие и быстро сменил улитку магазина, обернулся и отбросил её Валентине, которая ждала внизу, в безопасной зоне.

Чтобы продолжить стрельбу, нужно чуть приподняться, а к первому пулемёту, добавился ещё один со стороны мотоциклов. Решение приходит быстро, сменить позицию, для чего закидываю винтовку на плечо и стаскиваю пулемёт на себя, немного пятаюсь. На карачках переползаю на место, рядом с лёжкой Михаила и уже оттуда, начинаю работать по новым целям.

За две коротких очереди заставил замолчать пулемёт на мотоцикле, затем несколько очередей по оконному проёму, откуда бил немецкий пулемёт и тот смолкает. А вот потом началось то, чего я так опасался. Ожил пулемёт на бронетранспортёре и стрелял он с большей высоты, сразу прижав меня к земле. Пришлось переключиться на него, вот только броня позволяла не бояться моих обстрелов, да и стрелок там был опытный. Вначале что-то ударило по щеке, с мерзким звуком и свистом, затем небольшой удар в левое плечо. Но я взял паузу, тянув время, слыша ругань за спиной и попытки завести мотоцикл. В бронеавтомобиле стрелок не жалел патронов, поливая пулями всё пространство вокруг и как итог, патроны у него быстро закончились.

Пока он менял ленту, я высунулся, слыша радостные крики за спиной и шум ещё одного мотора. В прицел сразу попала группа немецких солдат с полсотни. Вот по ним, жёстко прижав приклад, я и отработал, практически непрерывной очередью, скосив сразу десяток. Стоило мне начать отползать за пригорок, как по нему опять ударил пулемёт с броневика, и ещё один от дома. Уже уйдя в мёртвую зону, по пригорку заработали ещё два пулемёта.

На удивление, немцы быстро сориентировались, но свою задачу мы выполнили, я, пригнувшись, добежал до мотоцикла и запрыгнул в коляску, обжёгшись о раскалённый кожух пулемёта, который по привычке, поправил рукой.

- Гони! - крикнул я, слыша шум заводимого мотора броневика у деревни.

И мы погнали, на максимальной скорости, километров под пятьдесят, подпрыгивая на кочках, а я, вцепившись в ручку на коляске, старался не вылететь наружу. Периодически оглядывался, ожидая, что сейчас над пригорком появится бронемашина и начнёт стрелять по нам. Нам удалось отъехать на километр и уже практически скрыться за поворотом в перелеске, как бронемашина всё-таки выползла на пригорок и даже дала очередь в нашу сторону. На дистанции в километр, попасть практически нереально, да и времени прицелиться у немцев не было.

Скорость сбавили, только когда проехали небольшой хутор, люди в котором грузились на телеги, похоже, моё предупреждение о возможном геноциде евреев, разошлось по округе. Хотя чего здесь думать, евреи - народ опытный, что такое погромы, знают прекрасно, поэтому стоит пустить слух, как они сразу начнут действовать.

Здесь я осмотрел себя и понял, что левый рукав пропитался кровью, не сильно, но неприятно, да и по левой щеке что-то текло, поэтому махнул рукой, а Архип посигналил другим, чтобы остановились. Стоило Валентине увидеть кровь на моём лице, как она вытащила приготовленную сумку с медицинскими принадлежностями и принялась обрабатывать рану, несмотря на мои вялые сопротивления.

Пока меня перевязывали, решил уточнить у водителей.

- Что там с мотоциклом, почему долго не заводился?

- Так это тот, на котором мы лёгчика спасали, вчера не заметили, а пуля от немцев, шланг повредила, не сильно, а на кочках топливо подтекать стало, возможно, воздух хватануло, вот бензонасос плохо работал. Но мы его с толкача завели, так что всё обошлось в этот раз, но как приедем, я его ещё раз осмотрю внимательно, - ответил Архип, который у нас отвечал теперь за технику.

- Хорошо, а что там по поводу поляка с большим ружьём, может, сейчас к нему заскочим, я, как понял, нам почти по пути?

- Можно и сейчас поехать, чего тянуть, может, он тоже в эвакуацию собрался, так ружьё ему и без

- Тогда едем к нему. Внимание всем, поедem в соседнюю деревню, есть там немцы или нет, мы не знаем, поэтому проверить оружие, зарядить пулемёты. Я еду первым, остальные за мной на расстоянии полусотни метров. Если я начну бой, разворачивайтесь и возвращайтесь в город. Пока вы не развернётесь, я буду обстреливать врага, поэтому чем быстрее вы покинете место боестолкновения, тем быстрее у меня появится возможность уехать и спастись. Всем понятен приказ?

- Понятно, - недовольно ответил Михаил, а Адам, просто кивнул мне.

Валентина толково и быстро перевязала мне руку, а щёку, просто обработала, сказав, что ранения не серьёзные, но позже нужно будет ещё раз промыть и осмотреть, когда вернёмся в город. Выехали мы сразу и двигались уже медленнее, осторожнее и оговорённым порядком. Я сидел в коляске, внимательно всматриваясь в поле и возможные места засад, но дорога была свободной, но попетлять нам пришлось, прямой дороги до деревни не было. А вот когда доехали до Муроним, наткнулись на несколько телег, которые спешно грузили.

Встретили нас настороженно, провожая взглядом, странную процессию из трёх мотоциклов, и сидящих в них вооружённых людей. Но вглубь деревни мы не поехали, а свернули на другую улицу, после чего вырули на окраину, остановившись у довольно большого дома, не так давно построенного.

- Вот здесь живёт поляк, о котором я рассказывал, мне отец, как-то показывал, но лично с ним не знаком, - произнёс Архип, стоило нам остановиться и заглушить двигатель.

Я вылез из коляски, раздумывая, как начать разговор и посмотрел на подъехавших ополченцев.

- Пахом, мотоцикл разверни в ту сторону, не глушить, Михаил, от пулемёта не отходить смотреть в ту сторону. Валюша, контролируешь вон тот сектор, если увидите немцев, стрелять на поражение и ждать нас, - приказал я, раздав указания и кивнув Архипу, следовать за мной, поправил винтовку и направился к калитке.

Она оказалась заперта, и я постучал в неё, достаточно громко.

- Кого дьябли пригости, - раздался пьяный голос с той стороны ворот.

- Разговор есть, купить хотим кой чего или обменять, - громко и уверенным голосом, произнёс я, поняв, что простого разговора не получится. Сразу расстегнул клапан кобуры, чтобы потом не тратить время.

Загремел засов и калитка открылась, явив нам высокого мужика, в штанах и сапогах, голого по пояс, с цепким взглядом, который сразу окинул им меня, остановившись на оружие и значке ВЛКСМ.

- А-а, комиссары пожаловали, так всё, кончилась ваша власть, - на хорошем русском с лёгким акцентом, произнёс он, мерзко улыбнувшись.

- Ещё не кончилась и на тебя пули хватит, - громко сказал я, вытащив парабеллум и передёрнув затвор, упёр ствол пистолета в живот мужику, отчего тот замер, широко раскрыв глаза.

Глава 9

Сообщение Советского Информбюро за 25 июня 1941 года.

«Младший сержант Трофимов, командир орудия, в обстановке, когда орудие находилось в окружении противника, а боевой расчёт орудия был выведен из строя, увёл в укрытие трёх раненых бойцов своего орудия, а затем сам хладнокровно расстреливал противника прямой наводкой. Когда сопротивление стало бесполезным (танки противника были почти на огневой позиции), Трофимов взорвал орудие, а сам умело вышел из окружения врагов.

* * *

Командир Н-ского батальона капитан Кошель во время боя умело организовал систему пулемётного огня. Он спокойно допустил противника на близкое расстояние и взял его под перекрёстный пулемётный огонь. Две вражеские роты были уничтожены.

* * *

Имеется много фактов, что крестьяне оказывают частям Красной Армии активную помощь в вылавливании вражеских парашютистов-диверсантов. Так, в районе Херца крестьяне поймали и доставили в воинскую часть трёх парашютистов-диверсантов, выброшенных с самолёта».

черновик

Окрестности Барановичи. Деревня Мироним.

- Ты что творишь, комиссар, он же выстрелить может, - как будто сразу протрезвев, произнёс поляк.

- Нам доподлинно известно, что ты работаешь на немецкую разведку, у тебя в подполе спрятано немецкое оружие, снаряжение и радиостанция, через которую, ты передаёшь сведения немцам. Что у тебя прячутся немецкие диверсанты. Приказано диверсантов уничтожить, изъять оружие, а в случае сопротивления, расстрелять, как предателя, - надавив на пистолет и заставляя попятиться, громко, произнёс я.

- Какая рация, какое оружие, какие псы крев, диверсанты? – испуганно, пятась от меня, проговорил поляк, явно не ожидавший такого напора с моей стороны.

- Все знают, что у тебя ружья ещё с полькой войны остались, значит,, и остальное люди правду говорят. Говори гнида, где диверсанты? – рявкнул я, подняв пистолет вверх и, нажав на спусковой крючок.

Выстрел прозвучал не очень громко, но для пьяного поляка, этого хватило, чтобы упасть на колени и запричитывать по-польски.

- Не губи панове, - выбежав из дома, на колени рядом с поляком, упала пожилая женщина. В расшитой орнаментами одежде.

- Где немецкие диверсанты, где склады оружия? Дом спалить, чтобы вы во всём признались? – сделав страшные глаза, выкрикнул я.

- Нет никаких немцев и не было никогда, - опять крестясь, ответила женщина.

- А вот на вас очередной донос пришёл, что есть у вас ружьё большое, и что немцем докладываете, а не них работаете. Ещё что ждёте их прихода и слова сии подтверждаю местные. А один вообще, про диверсантов говорил, которых вы укрываете, про склад оружия. Ну а про ружьё, так десяток показаний есть. Говори, паскуда, где склад оружия, где рация, кто ещё с тобой предатель.

- Вот Мазепа, вот паскуда и здесь нагадить успел, - просипел себе под нос поляк, стоя на коленях.

- Господин панове, так-то от зависти. Нет никакого склада, мы мирны граждане, - опять запричитала женщина.

- Ну, винтовка-то точно есть, начнём с этого, отпираться бесполезно, даже ребятня местная видела её у вас, - сказал я, смотря прямо в глаза женщины, но краем глаза присматривая за поляком.

- Так, то сосед по пьяни, Мазепой кличут, он от зависти наговаривает, а из оружия только винтовка старая да охотничье ружьё, вот, как перед богом, клянусь, - перекрестившись, произнесла она.

- Показывай! Архип, этого на прицел, шевельнётся, стреляй сразу, - приказал я опешившему парню, но надо отдать должное, тот выполнил приказ и даже передёрнул затвор, дослав патрон в ствол, приведя ружьё в боевую готовность.

Мы прошли к сараю, и женщина полезла на сеновал, с трудом вытащив длиннущее, тонкое ружьё, отчего я немного погрузтел, калибр был явно меньше, чем я рассчитывал, хотя чего можно ожидать от поляков, да и делалось оно под задачи Первой Мировой войны.

- Ну вот, с первым доносом разобрались, где рация и диверсанты? - рявкнул я на женщину.

Та опять бухнулась на колени и закричала.

- Панове, панове, не было никаких диверсантов, ну, сказал муж по пьяни лишнего, с кем не бывает, но никакого больше оружия нет, вот вам истинный крест.

- Хорошо, допустим, а патроны к этому чуду есть?

- Есть, как не быть, много, целый ящик, я сейчас, они не здесь, а там, в доме, за печкой.

- Стоять, а если там диверсанты, - отыгрывая роль, спросил я, прислонив огромную дуру к стене, и добавил, - Архип, смотри внимательно, я в доме проверю.

Войдя в дом, глянул на «красный угол», такой был, только вместо иконы, там висела картина скрижалей с 10 заповедями, что сразу выдавало иудеев в жильцах дома.

Женщина юркнула за печку и с трудом вытащила деревянный ящик, поставив на стол. Подойдя, увидел упаковки, раскрыв одну, из которых, вытащил настоящего монстра – патрон небольшого калибра с огромной гильзой. Патроны ещё и с особой маркировкой на коробках, вероятно бронебойные, в целом довольно неплохо.

- Подпол открывай, показывай, что там, если никого нет и склада оружия, будем считать наговором, - произнёс я, не сводя пистолета с ней, который так и держал в руке.

В подполе ожидаемо никого не оказалось, да и будь здесь диверсанты, давно бы уже ушли захватывать мосты, наводить хаос на коммуникациях. Поэтому бегло осмотрев, выбрался, оттряхиваясь, и сказал.

- Ну, что же, будем считать анонимный донос проверен, оружие оформим как добровольно сданное, на нужды народного ополчения, - произнёс я, забирая коробку и уже собираясь выходить, остановился, ещё раз бросив взгляд на стену, где висела картина. Такие обычно вешали иудеи, а значит, кто-то в этом доме может к ним относиться.

- Иудейка? – тихо спросил я.

- С чего вы решили? – также тихо спросила женщина, опутив глаза.

Я кивнул в сторону картины, и та сразу всё поняла.

- Мать иудейкой была, а я так, - ответила она, неопределённо повертев кистью.

- Скоро сюда придут немцы, они всех евреев, сгоняют в концентрационные лагеря, а потом тихо там убивают, приказ у них зачистить подконтрольные территории от нечистых рас, к которым евреев и относят. Поэтому совет дам, бегите отсюда, до вечера ещё успеете, потом поздно будет, - сказал и сразу вышел на улицу. Как поступит женщина, я не знаю, но свой долг сообщить ей, я выполнил.

- Неужто всех? - с крыльца спросила она.

- А вы останьтесь, проверьте. Только потом сбежать уже никто не даст, да и других предупредите. Это война не на месяц, в лесу не отсидитесь, - ответил ей, убирая пистолет и забирая ружьё, с меня ростом.

- Поехали к дому, нужно забрать ещё один пулемёт и патронов, будем дожимать ту колонну, - сказал я, подходя к моим ополченцам.

Уложить ружьё, да так, чтобы не мешалось, оказалось тем ещё квестом, но решение нашлось неожиданно. Я-то не деревенский, а местные часто используют мотоциклы во время сенокосов, поэтому как перевозить грабли и косы, они вполне знали. Поэтому без меня, быстро управились, и мы поехали в Бытень.

Пока ехали, я размышлял о легализации нашего ополчения, стоит нам встретить организованный отряд военных, как могут возникнуть серьёзные проблемы, а значит, нужна такая легенда, которую никто не сможет опровергнуть. Но этим можно будет заняться уже после того, как мы организуем очередное нападение на разбитую колонну немцев. В село въехали с севера, затормозили у поста местных, показали себя и нас пустили дальше. Пост состоял из трёх человек, два мужика с ружьями и пацан, для курьерских услуг. Решил заехать проведать нашего лётчика, заодно перевязать руку, а то её начало дёргать очень сильно, а ещё повязка промокла, свежей кровью.

Больница была небольшая и вокруг довольно чисто, а стоило у неё остановиться, как к нам вышло две женщины в белых халатах.

- Что у вас? – сразу спросила та, что постарше.

- Проведать лётчика, мы его вчера привезли, да заодно гляньте, руку дёргает, да и кровить начала, - ответил, вылезая из коляски.

- С лётчиком уже всё нормально, вчера прооперировала, кости собрала, ногу зафиксировали, если за три дня температура пойдёт на спад, то есть шансы сохранить ногу, нет, то придётся отправлять в областной центр, а вы пройдёте в процедурную, я вас осматрю, - ответила женщина.

В самой больнице был образцовая чистота и тишина, как будто никакой войны и нет. Меня усадили на кушетку, вторая, видимо, медсестра, стала срезать бинт, а первая, что постарше, внимательно смотрела на меня.

- Слышала я, в городе появился молодой комсомолец, который агитирует всех покинуть город и уезжать вглубь страны. Мне кажется, вы создаёте преждевременную панику, а за это последует наказание, по всей строгости закона.

- Вас как зовут? – спросил я.

- Простите, не представилась. Фельдшер этой больницы Агриппина Илларионовна Шип, а это моя помощница, медсестра Марина.

- Коммунист и командир добровольческого отряда ополчения, Станкевич, Дмитрий Александрович. В десяти километрах отсюда стоит разбитая колонна, численностью в батальон. Сейчас намного меньше, но сути это не меняет. Даже сотня солдат, займут этот городок за полчаса, ровно столько, сколько дойти от одного конца городка до другого. В округе советских войск не наблюдается, Брест в окружении и оттуда уже никого не выпускают, вопрос, займут они город или нет, совсем не стоит, вопрос стоит, только когда они это сделают и какие потери при этом понесут. Ай-й, - вскрикнул я, когда медсестра сдёрнула бинт, уже присохший к ране.

- Да, рана глубокая, сама будет долго заживать, вы же на неделю в больнице остаться не собираетесь?

- Нет, конечно, тогда шейте и побыстрее, нам ещё к той колонне возвращаться, - ответил я и побледнел, увидев гнутую иглолку с ниткой в металлическом контейнере, для зашивания ран.

- Командир, может, мы подготовим пока, что надо?

- Нормальные топоры, лопаты, копать стрелковые ячейки для пулемётных позиций, пила. Будем баррикаду на дороге делать, чтобы фашисты не могли проскочить вслед за нами, ну и пулемёт берите. Да и Акулину с Игорем, забираем, используем всех, кто есть, - распорядился я и прикусил язык от боли, когда игла вошла в мясо, рядом с раной.

- Терпи казак, атаманом будешь, - улыбнувшись, как ни в чём не бывало, ответила фельдшер, продолжая протыкать иглой кожу и стягивать рану.

- Ох, я думал, обезболят, - прошипел я.

- Марина обезболит молодому человеку.

Девушка улынулась, наклонилась к ране и неожиданно для меня подула, а я так и застыл с открытым ртом.

- Ну, как, полегчало? – также улыбаясь, спросила девушка и я понял, что она достаточно молода и симпатична, можно сказать, даже, красива, только вот мешковатый халат, портил её фигуру и из-за этого, я не сразу её разглядел.

- Ну, как помогает, - продолжая шить и улыбаться, спросила фельдшер.

- Определённо помогает, вот только не нужно останавливаться, обезболивание быстро заканчивается, - шипя, произнёс я, а фельдшер. Уж завязывала последний узел.

- Марина, повязку наложишь крепкую, но, чтобы рукой мог двигать, сама слышала, молодому человеку ещё воевать.

Я, посмотрев на врача, решил поднять тему, которая меня волновала больше всего.

- Агриппина Илларионовна, а много в больнице больных и раненых? – спросил я.

- Двоих вчера принесли раненых, один в ногу, кость перебита, гипс наложили, второй тяжёлая контузия, надо бы в центр его везти, да транспорта нет, телефон не работает, что делать, даже не знаю. Ходила в сельсовет, но председатель, как вчера уехал, так до сих пор не вернулся, а без него подводу никто не даст. Ещё двое лежачих, один с аппендицитом, третий день как, один, ногу топором поранил, по пьяни дрова пошёл рубить, температура, нужно наблюдение, возможна гангрена, вчера вскрывала рану, чистила. Двоих вчера с поезда с переломами ног, они не ходячие, хоть и травмы не тяжёлые, без смещений, гипс наложили. Ну и лётчик ваш, он, кстати, спрашивал, кто его привёз, просил зайти к нему.

- Значит, семь человек, минимум четыре подводы, ехать далеко, немец быстро двигается, да и дороги, вероятнее всего, беженцами заполнены, их ещё и немцы с самолётов расстреливают. Готовьте больницу к эвакуации, с подводами и провизией я решу, под свою ответственность, всё одно, иначе немцам достанется.

- Я не имею права без приказа, - попыталась возразить фельдшер.

- А никакого приказа не будет, немецкие диверсанты действуют уже глубоко в нашем тылу, перерезают связь, нарушают логистику. В армии сейчас такой бардак, что о вас уже и не вспомнят, немец рвётся к Минску с разных направлений. Под Брестом две дивизии в окружении и их, вероятно уже списали. Контрудары, при манёвренной войне, танковыми группами, неэффективны, почти полное превосходство противника в воздухе. Забудьте про приказ, факт того, что немецкий батальон в трёх часах от города, является веским основанием, как минимум для эвакуации раненых. Если хотите, я могу составить приказ, вы как гражданское лицо, можете его выполнить, ведь официально вы ещё не призваны в армию. Да и сами подумайте, если останетесь, немцы заставят вас лечить своих раненых, вместо того чтобы свои знания применить для лечения раненных в нашем тылу. Да и никто не оставит в живых наших раненых, их просто расстреляют, чтобы не тратить на них ресурсы.

- Вы рассказываете какие-то ужасы, - неуверенно возразила фельдшер.

- А расстреливать гражданские поезда, это не ужасы, а убивать гражданское население штыками, это не ужасы. Всё, это мой приказ, под мою ответственность, готовьте эвакуацию, к полудню в больнице не должно быть никого из персонала и больных. Рассчитывайте переход минимум на три дня, а, возможно, и больше, берите запас корма для лошадей и еды для раненых и себя. Минск долго не продержится, но, возможно, успеете там на поезд, не всё же разбомбили. Может, в Барановичи найдёте транспорт, если нет, то не задерживайтесь, езжайте дальше, где ни будь пристроите раненых.

- Вы так уверенно об этом говорите, что у меня возникают сомнения, откуда вам это известно?

- Не знаю, до контузии, плохо помню свою жизнь, а вот некоторые способности проявились, но не думайте, я не сумасшедший, просто мы взяли немецкую разведывательную группу и там были карты с планами. Немцы идут танковыми армиями, точно, проламывают оборону и бьют с тыла, добавьте к этому полное отсутствие связи, радиочастоты глушатся, наземная связь обрезана. Москва отдаёт противоречивые приказы наступать, когда враг уже в тылу, вместо того чтобы рассекать клинья. Одним словом, неразбериха, и немцы готовились к этому. Всё, заболтался я с вами, Марина, ты чудо, спасибо за помощь, я к лётчику и готовить ополчение к выходу, к моему приходу здесь всё должно быть готово к эвакуации и приготовьте дополнительные подводы, на случай выхода солдат из окружения, им может понадобится помощь, - приказным тоном, распорядился я и направился к лётчику, выяснив, где он лежит.

- Доброе утро, как самочувствие? – спросил я, входя в палату, где лежал лётчик и ещё два раненых солдата, до этого они о чём-то говорили, но стоило мне войти, как разговоры стихли.

- Разве оно доброе, как я теперь летать буду? - прошипел раненый лётчик, которого я узнал по лицу.

- Будете, куда денетесь, фельдшер толковый, операцию вам сделали, кости собрали, поэтому все шансы вернуться в строй у вас есть, товарищ лётчик. Осталось в этом убедить себя и сделать всё, чтобы вернуться в строй. Лётчики нам сейчас ух, как нужны, да вы и сами знаете, товарищ, что творят эти твари в воздухе.

- Эх, так всё одно летать не на чем, у нас в полку самолётов не осталось, - тяжело выдохнув, произнёс лётчик, отвернув голову к стене.

- Самолёты, это металл и фанера, сделают, надо будет, заводы в степи построят и будут клепать их сотнями, а вот хорошего лётчика готовить долго, намного дольше, чем самолёт собрать. Ведь не каждый может вот так в небе бочки и петли вязать, поэтому даже не думайте про машины. Ваша задача набираться сил и готовиться к новым боям, переосмысливать тактику, менять подход к воздушному бою, вот этим и занимайтесь в свободное время.

- А если нога срastётся криво, меня же комиссия не пропустит, - повернув голову, неуверенно спросил лётчик.

- А ты, товарищ, не ищи повода не летать, а наоборот, ищи возможность летать даже без ног. Не сможешь на истребителе, летай на тихоходном, на У-2, в конце концов, тихо ночью над линией фронта, фашист и головы поднять не успеет, а ему уже подарок от тебя в виде бомбы. Там, где обычный самолёт не пролетит, У-2 прокрадётся. Небо оно смелых и решительных любит, а упрёшься и без ног летать сможешь, так что отставить упаднические настроения и вообще, готовьтесь в тыл ехать. Немец сегодня-завтра здесь будет, мы его ополчением не удержим, да и трофеев мало, всего четыре пулемёта да несколько винтовок, на один короткий бой и всё, - эмоционально рассказал я, рубя рукой воздух, для убедительности.

Вот не знаю, что на меня опять нашло, прям речь сама с уст срывается. Вон как действовало, аж раненые бойцы на соседних койках подтянулись. Надо расспросить Акулину про себя, может, я таким и был или это результат моего попадания из будущего.

Глава 10

Сообщение Советского Информбюро за 25 июня 1941 года.

«Молодые бойцы-зенитчики Н-ской части в первый день боёв ещё неуверенно вели огонь по самолётам противника. На другой день эти бойцы уже действовали хладнокровно, стреляли метко и сбили за день 9 германских бомбардировщиков.

* * *

Наши лётчики Н-ской авиационной части в воздушных боях сбили 10 самолётов противника. Командир полка, Герой Советского Союза майор Коробков сбил два бомбардировщика противника; радист-стрелок Шишкович во время исполнения боевой задачи сбил два самолёта противника системы «Мессершмитт». Командир Сорокин при выполнении боевой задачи девяткой самолётов был атакован 15-ю самолётами противника, в бою сбил 6 самолётов и потерял четыре. Майор Ячменёв, будучи ранен в обе ноги, отказался ехать в госпиталь и продолжал выполнять боевые задачи.

* * *

Лётчики Н-ской авиачасти (район Станислава) сбили 19 самолётов противника: два самолёта сбито зенитной артиллерией — расчётами младших командиров Ковалёва и Милахова. Четыре немецких лётчика взято в плен бойцами этих расчётов. Всего взято в плен 12 немецких лётчиков».

черновик

Окрестности Барановичи. Деревня Борки.

После непродолжительной тишины лётчик повернул голову, внимательно, уже по-новому осмотрел меня и, заметив повязку, на левой руке, спросил,

- Тебя что, тоже ранило?
- Да, так, зацепило с утра, шальной пулей, пока немцев щипали.
- Это где же вы их с утра, «щипали»? – уже заинтересованно спросил летун.

- Колонну, что вы бомберами накрыли, мы встать заставили, вначале передовой дозор перебили, потом засаду им устроили. Специально по моторным отсекам стреляли, чтобы замедлить продвижение немцев, ну а потом, вы, я так понимаю, с бомберами её добили. Ну вот сегодня с утра, с пополнением, объехали их и с тыла, тремя пулемётами прижали и тикать, вот на отходе и зацепило, броневик у них хорошо стоял, а броню нечем на тот момент было взять. Но собственно своё дело мы сделали, машины ещё немного побили, отвлекли от основного направления, они теперь пока диверсионную группу, что им в тыл зашла, не найдёт, вперёд побоятся лезть, да и машины мы им опять попортили, до обеда точно провозятся, а там второй раз встретим, с другого направления, - рассказал им я.

- Это, где же вы пулемёты достали? – удивился лётчик.

- Первые два, на переезде, ещё вчера. Я же сам с поезда, который фашисты разбомбили, контузило меня тогда, вот злость меня и взяла. Шли по путям, с группой женщин, а там фашисты на двух мотоциклах и давай на девчонку наседать, да руки распускать. Мы с сестрой тогда позади шли и не успели к началу. Её защищать тётка родная бросилась, и немец её штыком, при этом специально его нацепил. Заранее всё планировал. Вот здесь я у меня разум и заклинил, очнулся уже, когда все шестеро трупами вокруг лежат, а на мне только царапина. Вот тогда трофеями и разжился, два мотоцикла, шесть винтовок, два пулемёта МГ-34, отличная машинка, отдача небольшая, скорострельность хорошая, удобные магазины-улитки на 50 патронов, вот с ними и воюем. Одно плохо, патроны жрёт, как не в себя.

- Лихо у тебя выходит, а ещё где пулемёты взял, ты говоришь, три было?

- Вообще-то, четыре, мы когда увидели, что вас сбили, на мотоцикл и за вами, благо недалеко это было. Пока ехали, смотрим немецкие мотоциклисты впереди, ну мы тихо подъе-

хали сзади и пока они не заметили, я их и перестрелял. С одного мотоцикла аккуратно снял, а второй пришлось изрешетить, двое фашистов прыткие оказались, отстреливаться начали, по разу выстрелить в нас успели, но я уже тогда сдерживаться не стал, всю улитку по ним добил, вот, собственно, и всё. А ещё две винтовки в первых мотоциклах нашли, там на переезде два наших солдата лежали. Похоже, их поставили охранять переезд, а на них немцы выскочили на мотоциклах, куда им против пулемётов, у обоих вся грудь изрешечена. Документы их собрали, перед отправкой вас в тыл передам, вместе с выпиской из боевого журнала, где и как обнаружены.

- Так ты ещё и боевой журнал ведёшь? – удивлённо воскликнул лётчик, явно не веря.

- Ну, не я сам, но поручил дело ополченцу, она и ведёт, а как иначе. Вот спросят, где винтовку с таким-то номером взяли. Украли? А я им журнал, где всё чётко написано, где, когда, при каких обстоятельствах, кто может подтвердить. А то ведь как оно бывает, сегодня помнишь, а через месяц уже не то, что детали и само событие можно не вспомнить. Да и счёт потерям, счёт убитым врагам, всё должно быть зафиксировано, так что у нас всё как положено в отряде ополчения.

- И девчонки у вас смотрю, там есть, откуда?

- Так, с них и началось, я как разведгруппу немцев перебил, та девчонка сама подошла и предложила бить врага вместе, она, как и я Ворошиловский стрелок, только у меня значок Юного, а у неё полноценного, она постарше будет, там и сестра двоюродная напросилась, вот так и создали отряд ополчения, она и журнал боевых действий ведёт. Это вчера я уже добровольцев набрал из тех, кого в армию не взяли, с ними и воевали поутру.

- Так, стоп, ничего не понял, а сколько тебе тогда лет, раз у тебя значок Юного ворошиловского стрелка? – спросил лётчик.

- Шестнадцать, в девятый класс только перевели, а здесь война. В армию меня никак не возьмут, а я же комсомолец, поэтому и создал отряд, чтобы бить фашистов, сейчас, а не потом, когда вырасту. Да и сейчас помощь более актуально. У немцев ведь какая тактика, если историю вспомнить, товарищ лётчик? – спросил я.

- Ну-ка, расскажи про тактику, что молодёжь думает, - заинтересованно спросил он.

- Вспомните Крестовые походы на Русь, а знаменитое Ледовое побоище, когда русский князь Александр Невский разбил тевтонских рыцарей. Он их тактику знал, и она за сотни лет не изменилась. Изменились солдаты, броня, а теория осталась та же. Они бьют бронированным клином, разрезают строй и заходят в тыл, беря в окружение. Вот и сейчас, уверен, стратегия у них такая же, только сейчас не бронированная конница, а броня танков, вот они клиньями пробивают нашу оборону, обходят, режут коммуникации, заходят в тыл, берут в окружение. Поэтом и не работает стандартный метод обороны. Сами понимаете, если сотню танков сосредоточить на одном участке, прорвать её не составит проблем, и даже если они пронесут потери в 30%, они компенсируют это окружением группировок войск и ударами по логистике, а без снарядов, пополнения, с превосходством в воздухе, быстро их не победить. Пока разработают новую стратегию, пока приспособятся к ведению мобильной войны, пройдёт немало времени, вот это время мы, комсомолы и должны предоставить нашей армии. А там соберём силы и погоним врага до самого Берлина, да так, что сотню лет будут о нас вспоминать и содрогаться.

- И говоришь, тебе всего 16 лет? – удивлённо спросил красноармеец, лежавший на соседней койке и молчавший до этого.

- На войне взрослеют быстро, вы и сами знаете, а всё остальное неважно. Пока есть возможность, будем бить врага.

- Так значит, ту колонну, что бомбардировщики, которых я сопровождал, вы своим отрядом остановили? – вернулся к моему рассказу лётчик.

- Да, устроили засаду, подпустили метров на восемьдесят и дали залп, я из пулемёта, ополченки из винтовок, Валуева она ведь тоже стрелок, поэтому немцы получили сполна. На

то, что их бомбить будут, я и не рассчитывал, но рад, что так получилось, вот только вас сбили, это печалит. Но ничего, в тыл отправитесь, а через пару месяцев уже новую технику осваивать будете. Вас, кстати, как зовут, а то мы не представились? – спросил я.

- Филиппов Михаил Семёнович, 127 ИАП, лейтенант, командир звена.

- Станкевич, Дмитрий Александрович, командир отряда народного ополчения имени Ворошилова.

- О как, и сколько в вашем отряде бойцов, товарищ командир? – удивлённо спросил лётчик.

- Восемь человек, к вечеру ещё, очень надеюсь, наберём.

- И какие задачи у отряда?

- Задержать противника на второстепенных дорогах, главные направления ударов, уверен, армия прикроет, а вот второстепенные будем прикрывать мы. Понятно, что остановить не сможем, но уничтожить разведгруппу, обстрелять колонну, замедлить, это вполне по нашим силам. Здесь на час задержим. Там на сутки, смотришь и окружают позже, а за это время из окружения выйдут боеспособные части, перегруппируются, пополнят ряды, создадут дополнительные рубежи обороны. Ведь это сейчас немец прёт, местами вообще не встречая сопротивление, а скоро ему такую возможность перекроют. В крайнем случае отойдём в леса, будем вести партизанскую войну, там видно будет.

- Ну, а ближайшую задачу, какую для отряда ставишь?

- Дать эвакуироваться городу, встретить на мосту, дать бой, при угрозе прорыва, мост уничтожим и отступим к следующему городку, там видно будет по обстановке. Возможно, к тому времени, уже будем в оперативном окружении, но в любом случае, сплошную линию фронта, немцы быстро не создадут, отойдём, перегруппируемся и опять в бой, пока позволяют возможности. В идеале достать оружие, способное остановить немецкие танки и броневики, - ответил я.

- Серьёзные и достойные цели, что могу сказать, если удастся даже часть задуманного, это будет очень хорошо. Ваше вчерашнее нападение на автоколонну, нам сыграло на руку, немцы оказались застигнуты на марше и стали прекрасными целями, бомберы отбомбились и дальше не летели, а там их ждали истребители, задержись они или пролети дальше, их обратно бы не выпустили, а так ещё повоюют. Да и меня вы спасли, что уж говорить.

- Товарищ лейтенант, а можете прояснить обстановку на этом участке, что с дорогой на Барановичи, много беженцев?

- Много, очень много и очень много разбитых групп, немцы не гнушаются расстреливать не только армейские колонны, но и мирных граждан, вот за это их надо всех уничтожать, - нахмурившись, произнёс лётчик.

- А ближе к горнице, что, с Брестом? – спросил я, хотя и так знал ответ.

- Крепость практически пала, к ней не пробиться, граница прорвана во многих местах, какие-то участки держатся, но как ты и сказал, немецкие колонны разрезают оборону ударом бронированного кулака, а затем уходят далеко в тылы. Самолётов много положили в первый день, я сам девять вылетов сделал, три сбитых, пока своё звено не потерял, а вчера приказ, сопроводить до линии фронта и атаковать колонны немцев, а свободный только один самолёт, вот я и полетел без прикрытия. Одного сбил да увлёкся, всё-таки Илюшка слабоват с мессерами тягаться, вот и сбили меня.

- Не переживай товарищ, придёт ещё твоё время, отомстишь за своих, главное в тыл выберетесь, - ответил я и собрался уже ан выход, требовалось готовить следующую операцию по добиванию вражеской колонны.

- Товарищ Станкевич. Вы про документы убитых бойцов и выписку из журнала боевых действий не забудьте.

- Не забуду, товарищ лейтенант, - ответил я и вышел из палаты.

На улице меня ждал только один мотоцикл с Архипом, остальные уехали готовиться к следующей операции, поэтому стоило запрыгнуть в коляску, как мы сразу отправились к сельсовету.

Внутри меня уже дожидалась Малка Валериановна.

- Товарищ Станкевич, нам нужно срочно поговорить, - произнесла она, стоило мне подойти к входу в сельсовет.

- Конечно, пройдемте, - ответил я, и меня провели в кабинет, с надписью заместитель администрации.

- Дмитрий Александрович, подскажите, что делать? Глава администрации пропал ещё за два дня до начала войны, председатель колхоза, временно взял управление на себя, но и он вчера отправился в Брест и не вернулся. Я совершенно не знаю, что делать, связи нет, слухи ходят один хуже другого. Одни говорят, что Брест уже захвачен немцами, другие, что танки уже под Минском.

- У вас какая должность? – спросил я.

- Заместитель главы администрации, бухгалтер тоже пропала, вместе с главой, по сути, я сейчас одна, секретарь и помощник в отпуске, лето ведь.

- Тогда начнём с главного, больницу, нужно эвакуировать немедленно, при колхозе ведь есть МТЗ, нужна техника, подводы в крайнем случае, там семеро лежащих, включая двух красноармейцев и лётчика. Им нужны сопровождающие, можно пару женщин, которые будут помогать ухаживать, запас пропитания на неделю. Это самое необходимое, второе, это эвакуация техники и оборудования, если таковая сеть, немцам оно не должно достаться, как и продукты питания, запасы зерна и прочее. Стада в колхозе есть?

- Как ни быть, полсотни голов точно, - ответила женщина, записывая за мной в блокнот.

Организовать их перегон на север, организовать людей, кто этим будет заниматься, заодно и сами в тыл эвакуируются, только не идти по основным трассам, а по второстепенным, это всех касается. Все заводы, артели, мастерские, нужно организовать эвакуацию, вас за это, точно похвалят, а может, и наградят. И теперь самое важное. Я хоть и комсомолец, могу организовывать отряды ополчения, но лучше. Если это будет происходить под эгидой местного сельсовета, тем более большинство его участников, жители вашего города. Вам не нужно им управлять, только издать приказ о формировании отряда народного ополчения и возложить всю ответственность на меня, как комсомольца и активного борца с немецкими захватчиками. Приложим выписку из боевого журнала, вас только похвалят за это и не переживайте так, вы едете в тыл вместе с бригадой эвакуации. Техника, какая есть, должна отводиться в тыл, если, конечно, она способна пройти сто километров. Трактора пойдут потом для перевозки орудий и поломанной техники для армии. Обязательно вывозите солярку и бензин, с ним сейчас будет острая нехватка, танки нечем заправлять, а здесь вы оказываете содействие, опять же оценят это положительно, - рассказал я ланы. А малка Валериановна, замерла с карандашом в руке, не зная, как реагировать на мои слова.

- Но как, я ведь... так меня за это не привлекут. Отряд самообороны, это же вооружённое военное формирование.

- Наградят, тем более вы уже допустили его существование на территории города, а бумаги для этого нет. А вот будет бумага и ответственный, с вас и взять нечего, инициатива за коммунистами Станкевич и Валуева, являющиеся ещё и ворошиловскими стрелками. И сделать это нужно как можно быстрее, не дай бог, приедет проверка, а у вас всё на словах,

- Да, да, конечно, сейчас всё оформим, вы только с формулировкой помогите, а я всё напечатаю сама и завизирую, печать администрации при мне. Только отдам распоряжение собирать эвакуационную команду для госпиталя и самого важного. Неужели немец дойдёт до нас, может, образуется всё? – как-то неуверенно спросила женщина, явно растерянная. Ещё вчера она выглядела собранной, а сегодня. Совершенно растерялась, с одной стороны, мне это

на пользу, бумагу о создании отряда народного ополчения подпишет и госпиталь эвакуируют без лишних проблем, А, с другой стороны, человек потерял веру в непобедимость Красной армии. Веру в строй, который управляет страной, и надо эту веру как-то вернуть.

- Малка Валериановна, вы не переживайте, всё наладится, пусть не сразу, будет непросто, но для этого мы с вами и есть. Мы, комсомольцы, поможем защитить страну, вы, правильно всё организуете и это спасёт немало жизней и сохранит для страны необходимые ресурсы, чтобы приблизить нашу общую победу.

- А как же глава сельсовета, Ильдар Рахимович и люди, что уехали с ним, сегодня его жена приходила вся в слезах, не знает, что и делать, а у них трое детишек.

- Как что делать? Конечно, немедленно эвакуировать в тыл и не только его жену с детьми, а все семьи работников администрации, коммунистов, передовиков труда. Немцы их не пожалеют, поэтому только эвакуация, добровольно-принудительная, и здесь вы должны твёрдо настоять на своём. Это ваша прямая обязанность, первостепенные задачи я вам назвал, оформите их приказом от своего имени. В таких делах нельзя бояться брать ответственность на себя, да и люди растеряны, в состоянии шока, не способны принимать разумные решения. Поэтому всех в эвакуацию. До вечера в городе никого не должно остаться из перечисленных категорий граждан. Отдельно предлагаю открыть пункт сбора военнообязанных и с ними эвакуироваться. Это мобилизационный ресурс нашего государства, и оставлять их на оккупированной территории, категорически нельзя.

Глава 11

«Time», США. Статья опубликована 30 июня 1941 года.

«Сколько продержится Россия?»

Вопрос о том, станет ли Битва за Россию (Battle of Russia) самой важной битвой в истории человечества, решают не немецкие солдаты. Ответ на него зависит от русских.

Сколько они смогут продержаться? Почти никто, кроме самих русских, не считает, что они способны разгромить немцев. Но если они смогут навязать вермахту затяжную и кровопролитную борьбу на собственной территории, заставить Гитлера платить за успехи дороже, чем он предполагает, и особенно если они смогут затянуть войну ещё на одну зиму, Битва за Россию обретёт славу, соразмерную её масштабу.

Каковы шансы, что им это удастся? Способность русских сдерживать врага до бесконечности зависит от таких факторов, как время нападения, география, численность и боеспособность противоборствующих армий, а также 'качество' противоборствующих лидеров. По этим меркам их шансы выглядят не слишком благоприятно».

черновик

Окрестности Барановичи. Деревня Борки.

На улаживание бумажных дел потребовался почти час, но это был нужный час времени, у меня на руках был приказ о формировании ополчения с присвоением ему названия «Ворошиловский». Был решён вопрос с эвакуацией больницы, школы и сельсовета. Акулина съездила в больницу и передала выписку из боевого журнала вместе с документами павших красноармейцев, там же лейтенант потребовал выписку из всего боевого журнала, поэтому она задержалась там. А ещё я решил пристрелять свою новую игрушку, ту почти двухметровую дуру, что забрал у поляка.

То, что это противотанковое ружьё Польши, уже понял по маркировкам и значкам, но, честно говоря, сам никогда не встречал информации по таким, а может, просто не помню. Вот про советские, всплывало много образов, но и калибр там был серьёзнее, чем здесь, а тут калибр обычного патрона, хотя и очень большого. Для мишени я выбрал два куска рельс, стоявших у сельсовета с непонятной мне целью, погрузил на мотоцикл и с Архипом поехал за деревню.

Далеко не отъезжали, на краю поля я устроил лёжку, подстелив взятый ватник, отвязал винтовку и занялся ознакомлением, пока Архип устанавливал их на сотню шагов, примерно на дистанцию в сто метров. Вначале разобрался, что снизу, короб – это съёмный магазин и вмещает он четыре патрона, пятый можно загнать в ствол и перезарядить, что неплохо. Предохранитель нашёлся не сразу, с торца затвора, нашлось кольцо-флажок, потянув за которое и повернув в одно из двух положений, можно добиться постановке на предохранитель или снятия с него. Не очень удобно в бою, но приемлемо, как понимаю, конструктор особо не заморачивался, простота и надёжность, вот на что ставился приоритет. Особо заинтересовали патроны, дело в том, что облицовка пули, оказалась не латунной, а металлической, что, конечно, скажется на долговечности ствола. И это расстраивало, не уверен, что она выдержит более ста выстрелов, но выбирать не приходилось. Особо отметил, что на тыльнике приклада нет никаких амортизирующих накладок, но на это обратил внимание ещё когда забирал, пожатоному кусок плотного войлока взял заранее, сложил его в несколько слоёв и прижал плечом к прикладу. Зарядил один патрон и принялся целиться в рельс, на которой был поставлен крест, сразу выяснив, что никакой шкалы дистанций в прицельном устройстве нет. Это сразу делало невозможным стрельбу на длинные дистанции, хотя для броневики хватит и пары сотен метров, уверен, большую дистанцию он броню не возьмёт. Хотя я бы не отказался от стрельбы с пятисот метров по колонне немецких машин, дистанция вполне безопасная, чтобы тебя не

разглядели даже после выстрела, а вот в эффект от такого мог быть очень неожиданным для немцев. Можно, конечно, пробовать самостоятельно прикидывать, но здесь нужно проводить учебные стрельбы, а времени на это точно нет.

Целился недолго, приклад прижал плотно, напряг руки, и совместив мушку с прицельной планкой и целью, плавно нажал спуск. Винтовка в руках лягнулась неслабо, но вполне терпимо, хотя без войлока, было бы куда хуже, думаю десять выстрелов осилю, но не больше, да и так ещё неизвестно, будет синяк на плече или нет. Однако выбирать не приходилось, против немецких броневикулов у нас ничего больше нет.

Оставив Архипа охранять ружьё, побежал посмотреть результат выстрела, то, что попал, понял по звуку и упавшей рельсе. Пуля пробила её, даже в утолщении, где толщина была чуть больше, миллиметров 15 примерно, что неплохо и пробитие было уверенное, от пули осталась дырка много больше диаметра пули, около двадцати миллиметров, а значит, заброневое поражение у неё выше, чем у обычной бронебойной с сердечником. В принципе, второй выстрел делать не буду, хватит и того, что увидел, то, что пуля ушла чуть выше, на два пальца, говорит о том, что прицел рассчитан на большую дистанцию, примерно на две сотни метров. От этого и буду отталкиваться, а горизонтальное смещение в пределах погрешности.

Закончив со стрельбой, вернули винтовку на её законное, теперь место между коляской и мотоциклом, где были специальные петли, сделанные Архипом, мы вернулись к сельсовету, где все уже собрались.

В городе наблюдалась суeta, народ массово уходил, кто пешком, а кто на подводах грузя своё имущество. Отговаривать людей тащить добро не стал, бесполезное дело, да и было мне, чем заняться. Весь отряд уже собрался у сельсовета, ожидая только меня, но, прежде чем ехать, решил толкнуть речь, понимая, что это важно для них, да и нужно, официально объявить о названии отряда.

- Отряд, стройся! - громко крикнул я, стоя перед ними.

Построились не сразу, но времени заниматься обучением у нас не было, важнее их навыки и желание помогать, поэтому никого не одёргивал, позволив самим занять выбранные ими места.

- Товарищи, хочу поздравить вас с первым, совместным боем, который провели с утра. Главное, что поставленную задачу мы выполнили и при этом не понесли потерь и нет раненых, царапины не считаем, все ополченцы в строю.

Теперь хочу сообщить, что организация Добровольного отряда народного ополчения имени Ворошилова, официально утверждена. Начальником его назначен я, комсомолец Станкевич, Дмитрий Александрович, моим заместителем назначена Валуева Валентина Игоревна, которая, как и я, имеет знак Ворошиловский стрелок. Поэтому прошу с достоинством нести службу в ополчении и не посрамит фамилии маршала Ворошилова. Каждый ваш выстрел, должен быть точно в цель, нам не нужна беспорядочная стрельба, нам важно попадание в цель, а целью для всех нас являются немецкие солдаты, вероломно напавшие на нас.

Сейчас мы отправимся на серьёзное задание, дать бой фашистским захватчикам и каждый из нас там может умереть, но я верю, что вы достойные Советские люди, в час опасности для нашей родины, выполните свой долг сполна. Я не требую от вас умереть за родину, пусть умирают фашисты, я требую от вас чётко выполнять мои распоряжения, бить фашиста, оказывать помощь друг другу, а если потребуется и поддержку. Не бояться только полные идиоты или вруны, на войне боятся все, запомните это, но важно уметь побороть этот страх, важно выстоять и не отступать без команды, не бросить своих товарищей и стоять до конца, если этого потребует обстановка и приказ. Я всё сказал, сейчас выдвигаемся на место, я с Архипом первым, затем Пахом и так далее. По мотоциклам! – крикнул я и мы стали рассаживаться, а через минуту, неторопливо отъехали от здания сельсовета.

За нашим построением, подготовкой и отъездом, наблюдало несколько десятков человек, и некоторые крестили нас вслед, отчего на душе стало спокойно. Пришла уверенность, что всё я делаю правильно.

Ехали оговорённым построением, я с Архипом впереди на пятьдесят метров, а остальные за нами. Если нарвёмся на колонну немцев, что вполне возможно, мы прикрываем отход основной группы и действуем по обстоятельствам.

До намеченного мной места, добрались без происшествий, достаточно быстро, да и для мотоцикла десять километров не расстояние, хотя и пришлось провести их в напряжении, ожидая встречи с немцами. Место я выбрал чуть дальше, нашей предыдущей засады, там, где лес уже подступал к дороге с двух сторон. Сразу определил, где будет засада, как расположить людей, и где засяду я с помощником.

Задумка состояла в том, чтобы перекрыть дорогу завалом из деревьев, за небольшим поворотом, не позволяющим заметить её издалека. Сразу поставил четверых рубить деревья, но оставить проезд для мотоциклов, так, чтобы проехать можно было впритык и в то же время, чтобы даже небольшой броневик, не смог его проехать. С собой взял Архипа, который проехал к месту моей огневой позиции, на мотоцикле, проведя его между редкими деревьями. Часть пути обратно, нам придётся проехать на виду у немцев, если они решатся на атаку и не отойдут, но другого варианта я не видел. Стрелять из противотанкового ружья в лоб было не лучшим решением.

Остальных расположил с двух сторон от дороги, в пятидесяти метрах от баррикады, а саму баррикаду заминировали двумя гранатами, к которым привязали длинные шпагаты, точнее, к шарикам, за которые надо дёргать. План был не очень, но за баррикадой смогут спрятаться немцы и прицельно стрелять, а нам это не нужно.

Свою огневую позицию, расположил в восьмидесяти метрах от дороги, под углом в 90 градусов, Архипа посадил за пулемёт, но открывать огонь он станет только, если на нас пойдёт солдат. До этого момента или до моей команды он будет молчать, ждать в засаде.

У основной огневой позиции за пулемёт посадил Валую и Михаила, а остальные засядут с винтовками, по двое к каждому пулемёту, вот, собственно, и весь план, наверняка можно было придумать что-то получше, но других вариантов в голову не пришло. Вся подготовка происходила в напряжении, немецкие патрули или разведчики на мотоциклах, могли появиться в любой момент, но всё получилось. Осталось выманить немцев из деревни, для чего один мотоцикл с пулемётом, нужно отправить к ней и опять обстрелять немцев.

Эта часть плана была не менее опасной, уверен, они учли утреннюю атаку и могли устроить скрытые позиции, поэтому подумав, решил, что поеду сам, с Архипом, с которым уже неплохо сработались. Пришлось опять выгнать мотоцикл, но заодно прочистили и накатил тропу для него.

И вот, я выехал за баррикаду, сидя в коляске и сжимая пулемёт, а Архип неторопливо ехал, ожидая моей команды. Поворота, где мы устроили первую засаду, достигли за несколько минут, я опасался, что там немцы могут устроить засаду, но место с дороги всё просматривалось, и мы спокойно проехали дальше, где начинались поля с лесополосами. Разбитую технику, увидели сразу, как и множество воронок, сожжённые остовы машин, разорванные пушки, а рядом с ними ковырялись немцы, расчищая дорогу.

- Тормози для разворота, - крикнул я, заранее оговорив, как он будет вставать и как разворачиваться.

Архип проехал ещё двадцать метров, прижавшись вправо, даже немного заехал на обочину коляской, а я уже вылавливал первые цели. До первых солдат противника было от двухсот метров, как раз дистанция для пулемёта, а основные силы, были много дальше.

Я дал первую очередь на три патрона, приноравливаясь, усилием сузив зрение и приблизив цели. Как у меня это получалось, я не знаю, но для меня, видимая дистанция сокращалась

в два раза. Прежде чем немцы бросились врассыпную, срезал четверых, а там не давал подняться, потом перенёс огонь вглубь разбитой колонны и прошёлся парой очередями по целому грузовику, на котором они приехали, превращая моторный отсек в дуршлаг.

- Гони! – выкрикнул я, как только отстрелял короб и сразу стал ставить новую улитку.

Архип дал газу, проехал метров пять, набирая скорость и упрощая разворот, после чего выкрутил руль, и мы хоть и с трудом, но вписались в разворот, а дальше уже гнали на максимальной скорости. Это был самый опасный этап плана, попасть по нам вполне могли, но выстрелы раздались, когда мы уже поворачивали, да и дистанция была достаточно большой, к тому времени.

Ещё пять минут и вот мы доехали до нашей позиции, я помог замаскировать мотоцикл и перетащить пулемёт с дополнительным коробом, винтовка всё время дожидалась меня на позиции, таскать её с собой я не решился.

А потом потянулись длительные минуты ожидания, даже пожалел, что не додумался оставить на повороте наблюдателя и теперь приходилось томиться в неведении, что предпринимает противник.

Время тянулось очень медленно, а усталость от ожидания, только накапливалась. По логике к нам должны были отправить мобильную группу, но немцы медлили, и это незнание, нервировало больше всего. Только через сорок минут послышался шум моторов и было их много, очень много, да и шум, был мощный, что мне очень не понравилось, однако что-либо менять уже было нельзя.

Первым на дороге показался лёгкий, небольшой броневик, а перед ним два мотоцикла с пулемётами, следом появился уже здоровый броневик на гусеничной тяге, в кузове которого, сидели немецкие солдаты, а спереди, сверху, был установлен пулемёт, МГ-32, как и у нас. Третьей машиной шли ещё такой же бронетранспортёры с солдатами в открытом кузове, а вот за ними уже ехал небольшой танк, самый лёгкий Pz-1, если я правильно помню, броня у него тонкая, но вот спаренные пулемёты МГ-34, очень опасные.

В целом, огневая мощь немецкой разведгруппы колоссальная для нас, мы, фактически, на открытой местности, а противник за бронёй и всё строится на старой польской противотанковой винтовки, в которой название – противотанковая, только номинальное. Да, мы собрали камни и устроили небольшие брустверы, за которыми и прятались стрелки, но всё равно от пулемётов это слабая защита. Но отступать поздно, поэтому я беру в прицел первым делом передовой бронеавтомобиль, маленький, броня не очень толстая, видно по нему, но вот расположена она под очень острым углом и экипаж не более двух человек. Единственный плюс, он ко мне практически под 90 градусов, и я прекрасно вижу все детали, поэтому выбираю водительскую дверь и плавно нажимаю спусковой крючок, ведя стволом по ходу движения.

Сильный толчок назад, а я уже передёргиваю затвор, прицеливаясь заново, а район башни, но ниже неё. У всех бронеавтомобилей, башня, как и у танков, более бронирована, но здесь она небольшая, поэтому бью в борт, отмечая, что броневик начал снижать скорость. Только мне непонятно, я ранил водителя или он сам снижает, увидев впереди препятствие.

Второй выстрел и башня замирает, на месте, как и сам броневик, переношу взгляд на мотоциклистов. Те, что слева, с моей стороны, уже расстреляны Валуевой, и она перенесла огонь на второй броневик, целясь в пулемётчика, который высунулся и неудачно попал под её очередь.

- Архип, второй броневик, пулемётчик, - кричу я, отдавая приказ ему, так как Валуева не видит второй броневик, он съехал вправо и спрятался за первый, ведя непрерывный огонь по звену Михаила, который лежал за пулемётом.

Сам, перевожу огонь на танк, выбирая место, куда выстрелить и решаю начать с башни, точнее, целюсь под неё, в район расположения стрелка. Выстрел, но башня продолжает дви-

гаться, ещё выстрел, но чуть ниже и танкетка дёргается, замирая, а вот башня начинает поворачиваться в мою сторону.

Передёргиваю затвор, собираюсь выстрелить, но вылетевшая гильза показывает, что магазин пуст, четыре патрона израсходовал и не заметил, забыв, что магазин не бесконечный. Заряжать его долго, поэтому вставляю патрон в открытый затвор, закрываю его и в этот момент, тот открывает огонь по нам. Вокруг меня сразу поднимается пыль от вспаханной пулемётной очередью земли, частички дерева, но я сосредотачиваюсь на башне танка, другого варианта не вижу, чтобы гарантированно уничтожить стрелка. Пули несутся ко мне, и я нажимаю спусковой крючок, целясь точно между двух стволов, молясь, чтобы бронебойности пули, хватило взять броню.

Спаренные пулемёты замолкают, а пули заканчиваются прямо передо мной, высекая искры из сложенных в виде бруствера камней, не успев подняться выше. Доля секунды отделяла меня от смерти, но в итоге я остался жив.

Тем временем бой продолжается, задние борта броневиков открылись и на землю выпрыгивают солдаты, однако первый броневик стоит боком к нам и Архип, скашивает всех, кто выбирается, а вот второй, успевает выпустить наружу несколько человек, которые прячутся между траками, где их трудно заметить.

К этому времени замечаю, что дальний от меня пулемёт, молчит, как и винтовочные выстрелы, а там с ними Акулина, единственный человек, который хоть что-то может рассказать про меня. Но мне не дают обдумать эту мысль, первый гусеничный, начинает пятиться назад, и мне приходится спешно зарядить одиночным патроном своё ружьё.

Выстрел и сильный удар, чуть не выбивает у меня плечо. Я поторопился и плохо прижал его, оттого удар получился сильным с импульсом, а броневик, дёрнувшись, опять двинулся. Возможно, водитель только ранен, но ехать он может, и это плохо, он прикрывает солдат второго гусеничного броневика от пулемёта Архипа. Там их человек восемь, и с их стороны раздаётся пулемётная стрельба, а потом подключается и второй пулемёт, один целится по нам, с земли, второй по расчёту Валуевой, и он замолкает.

Глава 12

«Немецкий лёгкий танк 1930-х годов.

В западной литературе распространено также название Panzer I.

Масса шасси не более 2650 кг;

Карбюраторный двигатель воздушного охлаждения «Крупн» М 301 мощностью 60 л. с.;

Максимальная скорость не менее 45 км/ч;

Максимальный преодолеваемый подъём — не менее 35°;

Круговое 12,4-мм бронирование, защищающее от бронебойных пуль винтовочного калибра

Вооружение: Пулемёты 2 × 7,9-мм MG 13 (позже MG 34)

Боекомплект пулемётов 2250 патронов».

черновик

Окрестности Барановичи. Деревня Борки.

Плечо болит, и я откладываю ружьё, беря в руку немецкую винтовку, благо, приготовил её рядом, хотя даже её упирать в плечо больно, но пулемётчик стреляет в Архипа, и кто из них первый замолчит, я не хочу знать. Вот только стрелок ниже, я его банально не вижу, решение приходит абсурдное, но абсолютно верное.

Рывком вскакиваю и, поймав стрелка, который меня тоже заметил, стреляю точно ему в лицо, да так, что пул пробивает лоб и срывает каску. Пулемёт, понятно, замолкает, а я пытаюсь выпепить второго стрелка, только он прячется за гусеницами, зато вижу ещё одного немца и нажимаю спусковой крючок. Второй выстрел отзывается болью, но цель точно поражена пулей в лоб, только до сих пор не могу понять, это способность тела предыдущего владельца или бонус к моему переносу сознания.

Тут открывается лючок на борту первого бронетранспортёра и в мою сторону выглядывает винтовка, успеваю упасть. И пуля проносится в считанных сантиметрах над головой, а я, упав, стреляю прямо в люк, поражая немецкого стрелка.

В этот момент оживает пулемёт Валуевой, а я бросаюсь к противотанковому ружью. Быстро сдёргиваю магазин и начинаю лёжа заряжать патроны, адреналин хлещет через край, пальцы дрожат, как и сам магазин, но вот четыре патрона занимают своё место, сдуваю пыль и щепки, прилипшие к промасленному магазину, втыкаю в посадочные места и передёргиваю затвор. Прицел уже на водительском месте броневика, который так и продолжает пятиться назад.

Выстрел, толчок, вспышка боли в плече и броневик, дёрнувшись, замирает. Архип видит второй бронетранспортёр и начинает стрелять по нему, Валуева стреляет с другой стороны, а со стороны позиции Михаилом, заработал пулемёт, только как-то неправильно, очереди долинные и бьют непонятно куда, как будто новичок за пулемётом, но мне думать некогда. Передёрнуть затвор и прицел наведён на водительскую дверь второго броневика. Опять выстрел, толчок и привычная вспышка боли. Рука отнимается и ничего не чувствует, с трудом удаётся её согнуть.

В какой-то момент стрельба затихает и становится очень тихо, только шумят рабочие двигатели броневиков. Выжидаю пару минут и достаю пистолет, с винтовки я выстрелить сейчас не смогу, а вот парабеллум, вполне удержу левой рукой. Взвожу его и снимаю предохранитель, двигаясь вперёд, затем кричу Архипу,

- Смени магазин, пулемёт за сошки одной рукой и вперёд, справа от меня, стрелять по всему, что шевелится.

Иду быстро, немного смещаясь, то вправо, то влево, качая маятник, на случай если кто-то живой. Медленно подхожу к первому броневiku и заглядываю в щель, на водительском месте,

немец, замерший с вытаращенными глазами, явно мёртвый, взбираюсь на подножку и заглядываю внутрь, второй немец с пробитой грудью, уткнулся в пулемёт, сипит, явно без сознания. Не задумываясь, навожу пистолет через верх, просунув в ячейку решётки, и стреляю в голову, тот дёргается и затихает. Первый броневик без крыши, но с решёткой от гранат, но времени разглядывать нет, спрыгиваю и иду к ближайшим немцам, у расстрелянного мотоцикла.

У мотоциклов все мертвы, контроль не требуется, иду к броневiku, там все трупы, в кузове лежит раненный с пробитой головой, стреляю, добивая, чтобы не мучился, да и оставлять за спиной врагов нельзя, это очень чревато, тем более, когда нас мало и бойцы не опытные. У второго мотоцикла, раненый немец держится на боку, а когда я навожу пистолет, что-то мычит, силясь сказать, но выстрел в лоб, прекращает его попытки.

Здесь уже подходит Архип с пулемётом, глаза шальные, явно под впечатлением и видя, что я добиваю немцев, стреляет очередью в ближайшего с пулемётом, ещё живого, но с пробитым телом в нескольких местах. Точно не жилец, пули вошли в район плеча и застряли в районе груди, отмечаю краем сознания.

Ещё один жив, добиваю выстрелом, а вот заглядывая в кузов второго бронетранспортёра, с трудом избегаю попадания, в кузове прячется немец и стоит мне заглянуть туда, раздаётся выстрел из винтовки. Опять чудом, пуля проходит мимо, а я стреляю в немца из своего парабеллума, дважды, так как первая угодила ему в плечо. Сам я тоже напугался, и выстрел ушёл в сторону, но всё равно сбил немцу прицел и не даю возможность перезарядить винтовку.

Последним осматриваю танк, к счастью, верхний люк закрыт неплотно, осторожно откидываю его и прислушиваюсь, двигатель работает, но внутри вроде тихо. Мельком заглядываю, но вижу только двух мёртвых немцев, что немудрено, от расплющенной пули такого калибра. Собственно, на этом бой можно считать законченным, спускаюсь с брони и с трудом стою на ногах.

Здесь вспоминаю, что второй пулемёт долго молчал и направляюсь к нему. От последнего танка сто метров, поэтому успеваю осмотреть поле боя ещё раз и понять, как нам повезло, по всем понятиям, нас должны были разбить, но мы каким-то чудом смогли это сделать. Немцы, даже если и слышали стрельбу, потеряв такой отряд, не рискнут сунуться, опасаясь новой засады.

Подходя к позиции стрелков, вижу Валуеву, которая плачет, стоя рядом с лежащим парнем, его звали Рахманов Игорь и служил в ополчении он всего второй день. Пуля вошла точно в глаз, не оставив ему никаких шансов, Адам, рядом с ней, стоит, опустив голову, не зная, что сказать. Я молча кивнул, направившись ко второй позиции стрелков, с замершим сердцем, до сих пор сжимая в левой руке пистолет.

Первое, что бросается в глаза, – лежащий на спине Михаил, устремивший взгляд в небо, на плечах и груди, несколько пулевых отметин и всё вокруг в его крови. Пять пуль, не оставили и никаких шансов выжить, но это я отмечаю краем глаза, смотря на лежащую за пулемётом девушку. И о чудо, она пошевелилась и застонала, под рабочей курткой, не видно раны, но стоило её перевернуть, как вижу кровь на левом плече и, судя по всему, она ещё стреляла. Сразу достаю пакет с бинтом, разрываю зубами и пытаюсь наложить повязку, но правая рука простреливает болью, зато ко мне подбегает Адам и помогает наложить повязку. Рядом негромко стонет пахом, у него две раны и вроде не серьёзные, но нужно обязательно осмотреть, часто люди на адреналине не замечают смертельных ранений и ходят какое-то время, пока не упадут замертво. Себя осматриваю, как только заканчиваем перевязку Акулины. – Её надо в больницу и чем быстрее, тем лучше, – говорит Адам, покосившись на лежащего Михаила.

– Архип, бронетранспортёр, который на гусеницах, сможешь водить? – спросил я, решив, что оставлять такую технику нельзя, да и везти на нём всех будет проще.

– А мотоциклы?

- Потом вернёмся, нужно осмотреть Пахома и если он в порядке, он поведёт второй броневик, танк пока не будем трогать, вторым рейсом съездим. Надо только белую тряпку повесить, чтобы наши не обстреляли, когда в город заедем, - сказал Архипу, и он пошёл осматривать Пахома, доставая бинт, которые я раздал каждому ещё перед выездом.

Собирались быстро, оружие закидывали в кузов, туда же перенесли убитых Рахмановых, положив тела братьев в стороне и прикрыв их брезентом. Осторожно в бронемашину ко мне, перенесли стонавшую Акулину, посадив на кресло рядом с водителем. Я сел в первый броневик, там было нормальное управление, похожее на автомобильное без рычагов, поэтому должен справиться, тем более что двигатель работал и не нужно его заводить.

Завал расчистили частично, мотоциклы отогнали на триста метров и спрятали в лесу, туда же отогнали танк и второй бронетранспортёр, оставив разбитые немецкие мотоциклы. Трупы солдат закинули в кузов второй машины. Таким образом, не оставив на месте сражения ничего, гранаты, которые так и не использовали, забрали с собой, пригодятся в следующий раз. Как бы мы ни торопились, но времени ушло почти полчаса и моя двоюродная сестра к моменту выезда, уже потеряла сознание, поэтому ехали достаточно быстро. Про белый флаг не забыли, хотя всё равно, патруль, испугавшись, пальнул в воздух и попытался сбежать. Но я посигналил и велел возвращаться.

Меня признали, и пост вернулся, но тревогу в городе уже подняли, и когда мы остановились у больницы, оттуда уже настороженно выглядывал в окно лётчик с пистолетом в руке.

Увидев меня, он не сразу признал, а разглядев, облегчённо выдохнул, что я заметил, даже на расстоянии. Врач Агриппина Илларионовна Шип появилась сразу, как увидела меня, а с ней и медсестра, бросились вначале ко мне увидев. Что прижимаю руку и иду весь скривившись, но я кивнул на пассажирскую дверь и когда открыл, вопросов уже не задавали. Фельдшер с Мариной сами вытащили Акулину, на непонятно откуда появившиеся носилки и бодро потащили в больницу, оттеснив меня. Мне ничего не оставалось, как последовать за ними внутрь.

Осматривали прямо при мне, сыпя только им понятные термины, про принимающее и прочее, в чём я не разбираюсь. Но судя по всему, операцию по извлечению пули они будут проводить прямо сейчас. Закончив с осмотром, фельдшер обратил внимание на меня. - Так, а у тебя что? Давай показывай, потом не до тебя будет.

- От противотанкового ружья ушиб сильный, можно и потом, - тихо проговорил я, хотя болело очень сильно и видно, это отражалось на моём лице.

- Что и как здесь решаю я, снимай рубаху, - твёрдо произнесла врач, а мне осталось только подчиниться.

Под рубашкой обнаружился огромный синяк, который рос практически на глазах и припухлость всего плеча. Агриппина Илларионовна тщательно ощупала всё плечо и руку, заставила проделать несколько манипуляций, после чего вынесла вердикт.

- Сильный ушиб, если сейчас приложить лёд, то через пару дней всё пройдет, а завтра даже сможете рукой шевелить. Так, Марина иди на ледник и тащи большой кусок, в полотенце заверни и молодому человеку отдашь. А вы сейчас идёте в палату, ложитесь там, заворачиваете лёд в полотенце и прикладываете, к плечу равномерно по очереди на все участки, где боли. И так до тех пор, пока я не скажу, после операции, я приду и проверю, там и выдам окончательный вердикт. Всё бегом, операцию откладывать нельзя, чем раньше извлечём пулю, тем больше у неё шансов поправиться, - раздала указания фельдшер, и мне ничего не оставалось, как отправиться в палату, голым по пояс.

- Ну ты и красавец, - произнёс лётчик. Когда я вошёл в палату, - С кем ты так столкнулся?

- С немецкой бронетанковой колонной вот, пожимаю последствия, - сухо проговорил я, укладываясь на кровать, прямо в сапогах, свесив их набок.

Лётчик сразу посерьёзней и спросил,

- Большие потери?

- Двух братьев убило, и двоюродную сестру, серьёзно ранило.

- Но ты я смотрю с трофеем? – спросил летун, кивнув в сторону окна.

- Да, это так, лёгкий броневи́к, не броневи́к, а недоразумение. Броня слабая, огневая мощь из одного пулемёта МГ-34, вот, собственно, и всё. А вот два бронетранспортёра на гусеничном ходу и лёгкий танк, это уже поинтересней, но тоже не броня, а так, противопульная защита. Должны сейчас будут подъехать за нами, - сказал я, прикрыв глаза.

- Да ты врёшь, сам же говорил, у тебя восемь человек с утра по спискам было, а сейчас целую немецкую колонну захватил, практически без потерь, - возразил лётчик, а меня это взбесило. Возможно, сказался пережитый стресс, возможно большое плечо, а возможно и всё сразу.

- Без потерь? Взвился я с кровати, охая от стрельнувшей боли.

- Их отец, коммунист, уехал в Брест и пропал, два парня, записались добровольцами, без опыта, без знаний, с одним желанием родину защищать. Да у них молоко на губах не обсохло, с какой стороны за пулемёт держаться не знали толком, а я их против танка и бронетехники. Их там почитай, взвод был, опытных солдат, умелых, черти их подери. Мы им засаду, а они даже не растерялись. Не успели начать обстрел. А они уже одну огневую точку подавили, вторую прижали. Там девчонка, комсомолка, двадцать лет, за пулемётом стояла, а рядом её напарника убило, прямо на глазах. Она пороку толком не нюхала, куда я их посла. Чем думал, дурак, считал, что правильно делаю, нужно было самому по-тихому, за несколько подходов, тактикой малых ударов, - коря себя, произнёс я.

- А ну, отставить истерику! - рявкнул не своим голосом лейтенант, да так, что даже бойцы на койках вытянулись, настолько командный голос у него оказался.

- Всё ты правильно сделал, не останови их на подступах, они бы в город въехали, а здесь гражданские ещё не эвакуировались и больница. Чтобы было, ты об этом думал? Положил взвод немцев, потеряв два человека, это не цена, я тебе скажу. Каждый из нас готов к размену один на один, а ты истерику закатываешь. Как девчонка, а не командир народного ополчения.

В этот момент в палату забежала Марина, положила на край тумбочки полотенце с огромным куском льда внутри. Я молча взял и, шипя от боли, улёгся обратно, приложив к опухшему плечу, прикрыв глаза, чтобы подавить слёзы, выступившие на глазах.

Прошло минут пять, как за окном раздался шум моторов.

- Смотри. Не соврал Ворошиловский стрелок, действительно трофейная техника едет, два гусеничных броневи́ка, с пулемётами. А где же танк? – спросил красноармеец, лежавший у окна и смотревший на улицу.

- Водителя не нашлось, второй ходкой заберут, из местных возьмут кого и сгоняют второй раз, здесь недалеко, - уже спокойней ответил я, так как холод начал проникать в тело, остужая его и убирая боль.

- Прости меня за резкие слова, но и ты пойми комсомолец, войны без потерь не бывает, а у тебя и не потери вовсе, считай погрешность и как командир, ты должен это понимать. Отправлять людей на смерть, зная, что они могут не вернуться, это ноша всех командиров, тяжёлая, но кто-то должен её нести, и раз ты взялся за это, то не устраивай истерику. А сейчас успокойся и давай рассказывай всё по порядку, как было, а парни вон запишут, в двух экземплярах, чтобы тебе в боевой журнал внести, пока всё помнишь, - уже спокойней произнёс лейтенант.

Делать было нечего, и я подробно, в деталях рассказал, как устроил засаду, ещё повторил, как утром напал на тот же отряд немцев. За это время, Акулине сделали операцию и перевели в палату, а на улице в это время, происходило другое действие.

Валуева, пользуясь тем, что мой зам

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.